

ЧЕРНЫЕ КОМИССАРЫ

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский
Черные комиссары

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Черные комиссары / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

Июнь 1941 года. Почти по всей линии фронта войска Третьего рейха и его союзников теснят части Красной армии. В это время отряд морских пехотинцев, которых враги называли «черными комиссарами», поддержанный судами Дунайской военной флотилии и подразделениями пограничников, высаживается на румынском берегу Дуная. Захватив обширный плацдарм, моряки в течение месяца мужественно сдерживали натиск румынских войск и оставили вражеский берег только по приказу командования. Но об этом подвиге, совершенном в самом начале Великой Отечественной войны, сейчас мало кто знает...

Содержание

Часть первая. На дальних берегах	6
1	6
2	9
3	12
4	16
5	19
6	21
7	25
8	30
9	34
10	38
11	41
12	44
13	47
14	51
15	54
16	57
17	60
18	63
19	67
20	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Богдан Сушинский

Чёрные комиссары

© Сушинский Б. И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

Часть первая. На дальних берегах

«Морские пехотинцы отличались стойкостью и упорством в бою. Они смело шли на рукопашную схватку с врагом, ходили в разведку в тыл противника, наводя ужас на фашистов. “Черная туча”, “черные комиссары” – так называл враг моряков-пехотинцев».

Вице-адмирал И. Азаров, бывший член Военного совета Одесского оборонительного района

1

Стоя на капитанском мостике «Дакии», бригадефюрер¹ СС фон Гравс невозмутимо наблюдал, как все новые и новые подразделения румынских войск подтягивались к Дунаю и, спускаясь по прибрежному склону к понтонному мосту, переходили на левый берег его Сулинского гирла, чтобы тут же раствориться в зеленовато-сером плавневом безбрежье.

Впрочем, невозмутимость эта была сугубо внешней, поскольку цепкий взгляд его безошибочно определял: нет, это не те полки, на которых, по словам премьера Антонеску, фюрер Германии действительно мог положиться как на продолжателей славы римских легионов. И от того факта, что кундукэтор провозгласил Румынию национал-легионерским государством², ситуация не менялась. Да и сам фюрер-кундукэтор Антонеску весьма смутно представлял себе, что же в действительности должно скрываться за этим понятием – «легионерское государство».

Впрочем, все это – общие размышления. Что же касается действительности, то вот они, эти хваленые «железные легионы Великой Румынии»: бесконечная вереница крестьянских телег, угрюмые лица; тощие, в большинстве своем лишенные какой-либо выправки, крестьянские фигуры; тусклые, не ведавшие солдатского азарта глаза...

В том-то и дело, что не ведавшие ни авантюрного блеска, ни солдатского азарта... Это как раз больше всего и поражало бригадефюрера.

Познававшему окопное дыхание смерти уже во второй по счету мировой войне, старому вояке барону фон Гравсу нетрудно было определить, что на всем этом скопище оторванного от сохи, небрежно обмундированного и столь же небрежно обученного люда уже сейчас, за много дней до войны, лежит печать какой-то вселенской обреченности.

Так, может быть, прав был свергнутый румынский монарх Кароль II, пытавшийся не только германским военным, но и вождям «Железной гвардии»³ доказывать, что в подвластном ему королевстве нет армии, с которой можно было хотя бы помечтать о войне с Россией, не говоря уже о том, чтобы рассчитывать на какие-либо территориальные завоевания? Во всяком случае, ему, начальнику румынского отдела Главного управления имперской безопасно-

¹ Бригадефюрер СС – генерал-майор войск СС.

² Премьер Ион Антонеску провозгласил себя кундукэтором, то есть вождем, фюрером Румынии в январе 1940 года. А провозглашение Румынии «национал-легионерским государством» мотивировалось не столько определенной исторической общностью румын с итальянцами, а их предков – с римлянами, сколько созданием в 1927 году, на фоне назревающего коммунистического переворота в стране, военизированной организации Легион Архистратига Михаила, больше известной под названием «Железная гвардия». Организатором ее стал, нестати, румынизированный польский немец Корнелиу Зелински (он же – Корнелиу Зея Кодряну).

³ Именно под натиском «Железной гвардии» и других политических обстоятельств король Румынии Кароль II вынужден был 5 сентября 1940 года отречься от престола в пользу своего сына, Михая, в результате чего вся реальная власть оказалась в руках министра обороны, военного диктатора генерала Иона Антонеску, который вскоре возглавил правительство. Ну, а вице-премьером был назначен лидер «Железной гвардии» Хория Сима, сменивший в 1938 году погибшего Кодряну.

сти рейха, «фюреру Валахии»⁴, как называли фон Гравса во властных кабинетах разведки и контрразведки, хотелось верить, что монарх был прав. При всем презрительном отношении бригадефюрера к этому жалкому правителю жалкого, нищего народа.

Не далее как вчера «куратор сигуранцы» штандартенфюрер Кренц положил ему на стол аналитический обзор столичной румынской прессы и политических взглядов ведущих деятелей этой страны, подготовленный действовавшими в «подконтрольной организации» агентами СД. И бригадефюрер был поражен тем, как некоторые идеологи местного национал-шовинизма уже пытались обосновать установление пределов Великой Румынии не только по далекому от румынских границ Южному Бугу – об умилительных видениях «границы по Днестру» теперь уже попросту не вспоминали! – но и... по Днепру!

Мало того, идеологи Легиона Архистратига Михаила уже требовали нацеливать армию и народ на выход Румынии к Уралу, «ибо только там должны быть установлены исторически оправданные границы Великой Румынии!».

– Вы что положили мне на стол, фон Кренц? – побагровел тогда бригадефюрер, буквально пронзая страницы доклада пожелтевшим от сигарет указательным пальцем. – Какая, к черту, «Великая Румынская империя от Балкан до уральских ворот Азии»?! Вы что, всерьез полагаете, что я решусь отправить этот бред в Берлин, в штаб-квартиру РСХА⁵?!

– Но в Бухаресте это бредом не считают – вот что настораживает, – сдержанно парировал полковник СС. Бледнолицый, с белесыми, словно бы выцветшими, глазами, он производил впечатление человека нервного и болезненного, хотя ни того, ни другого за ним пока что не замечалось. – Поэтому-то и нам с вами нелишне знать, что же в действительности происходит в имперских умах наших союзников. Кстати, даже самые неисправимые романтики, размечтавшиеся по поводу создания «бессмертных румынских легионов», уже понимают, что без помощи вермахта им не оттеснить русских даже от Прута, не говоря уже о форсировании Дуная.

К своему счастью, фон Кренц не догадывался, как некстати он умолк. Считая свое объяснение исчерпывающим, он прервал монолог именно в ту минуту, когда бригадефюрер ожидал от него услышать именно то, главное...

Откинувшись на спинку кресла, он саркастически всматривался в глаза своего подчиненного как учитель, который все еще надеется, что его ученик сумеет вспомнить то, чего никогда не знал.

– Вам не кажется, что вы чего-то не договариваете, штандартенфюрер?

– Простите, господин генерал?..

– Вы очень убедительно поведали о том, как румынские союзники на своих повозках-каруцах намерены добираться в обозе германских войск сначала до Южного Буга, затем до Днепра, Волги, Урала... Но при этом забыли прояснить одну маленькую деталь: как, создавая свою великую империю «от Балкан до азиатских ворот», они намерены избавиться от нас, «выполнивших свою прорумынскую миссию германцев, которые теперь уже не представляют для Румынии никакого интереса»? Тех германцев, которые в пределах столь могучей империи окажутся лишними. Румынские национал-шовинисты всерьез рассчитывают на то, что мы жертвенно устелем просторы России телами своих доблестных солдат ради господства на них королевской Румынии?

⁴ Валахия – историческая область Румынии, на территории которой расположена столица страны, и которая в свое время послужила основой для формирования румынской государственности.

⁵ РСХА – аббревиатура Главного управления имперской безопасности рейха, которое было также штабом СД, то есть службы безопасности СС, создававшейся на начальном этапе в виде охранных отрядов Национал-социалистской рабочей партии Германии (НСДАП). К началу войны с Советским Союзом СД уже именовалась «полицией безопасности и службой безопасности» рейха и имела свои разведывательное, контрразведывательное и диверсионное управления.

– В самом деле, – лениво повел фон Кренц своим небрежно выбритым подбородком. – О нас, германцах, румыны как-то подозрительно быстро забыли. Хотя всем ясно, что поторопились.

– Нет, вас, лично вас, штандартенфюрер, действительно умиляет такое понимание румынами наших союзнических обязательств?! – наседали на подчиненного генерал от СД. – Вы считаете его допустимым?

– Оно возмущает меня, – с кротостью провинившегося школьника заверил его фон Кренц. – Предельно возмущает.

– Именно поэтому некоторым зарвавшимся созидателям этой империи следует жестко напомнить: не в Бухаресте, а в Берлине будут решать, каких берегов позволено будет достичь каруцам этих «мамалыжных легионов», – презрительно поморщился бригадефюрер, – а каких нет.

– Славянам эта фраза понравилась бы, господин бригадефюрер, – осклабился фон Кренц. – Особенно это ваше определение: «мамалыжные легионы», поскольку именно так, «мамалыжниками», обычно называют своих соседей-румын славяне.

– Но даже когда сами румыны устелют трупами своих вояк все пространство от Дуная до Волги и Кавказа, – пренебрег его комментарием фюрер Валахии, – мы еще будем долго думать, стоит ли отдавать под их юрисдикцию хотя бы пядь этой земли. Хотя бы пядь! Вы поняли меня, фон Кренц?!

– Я понял, – как всегда, упрямство штандартенфюрера победило его чиновничью кротость и служебное благоразумие. – Вопрос в другом: поймут ли румыны, которые считают, что без их нефти рейх небоеспособен и вообще обречен?

– Мы заставим их понять. Как в свое время заставили «понять» чехов, поляков, датчан, и даже совершенно обнаглевших французов.

Штандартенфюрер недоверчиво посмотрел на шефа «СД-Валахии» и подтвердил:

– Несомненно, заставим, господин бригадефюрер. В самом деле, прекрасное определение: «мамалыжные легионы»! – по-плебейски хохотнул он.

2

Казарму полка береговой обороны ее обитатели не зря называли «матросским фортом». Возвышаясь на скальном берегу Финского залива, между двумя поросшими мхом утесами, эта трехэтажная громадина уныло смотрела на бухту своими мрачными каменными окнами-бойницами, готовая в считанные минуты ошестиниться сотнями ружейных стволов.

Вот и сегодня, поднимаясь по тропе, ведущей к калитке обведенного полутораметровой крепостной стеной «форта», Дмитрий Гродов не мог избавиться от навязчивого видения того, что за стенами казармы – или, как она официально именовалась здесь, «флотского экипажа» – его действительно поджидали сотни бойцов вражеского гарнизона. И ему со своими солдатами нужно было преодолеть огневой заслон, ворваться в здание и в жестокой рукопашной схватке... Вот именно: преодолеть и ворваться!..

– Но как же непросто это будет сделать! – возбужденно прикидывал капитан береговой службы⁶, постепенно входя в образ командира штурмовой роты. – Сколько бойцов понадобится бы положить здесь, чтобы действительно ворваться и завязать рукопашную...».

Плененный этой иллюзией, Гродов инстинктивно оглянулся на густую вереницу сокурсников, которые после почти ритуального утреннего «омовения» тоже неспешно поднимались по тропе вслед за ним. Смех, шуточки-подковырки, в которых они теперь изощрались, наслаждаясь воскресным отдыхом, – всего этого, в представлении капитана, попросту не было. Гродова так и подмывало командно согнать этих, как обычно называл их старшина курсов, «штатных разгильдяев», с тропы, разметать по излучине склона, а затем бросить в настоящую атаку...

Странно, что военрук курсов так ни разу и не провел здесь, на прибрежных склонах, штурмового учебного боя, штыковой атаки... Понятно, что новичков во флотском экипаже не водилось; все офицеры, созданные на Ленинградские специальные курсы командного состава⁷ со всех флотов, а также из военных и пограничных округов, уже имели за плечами учебу в военных училищах и по несколько лет службы. Как ясно и то, что готовили их не к **окопным рукопашным боям**, а к основательной службе в секретных укрепрайонах и прочих «невидимых» для врага объектах. И все же, все же... Солдат всегда должен чувствовать себя солдатом, а не... «штатным разгильдяем».

– Товарищ старший лейтенант, – появился в створе калитки штабной посыльный. – Вас срочно вызывают в штаб спецкурсов!

– Уже капитан. Особенно для тебя. Еще раз перепутаешь звание, Фитилин, разжалую до рядового.

– Так ведь я и так рядовой, краснофлотец то есть, товарищ капитан.

– Все равно разжалую, – напористо пообещал Гродов.

Он знал этого худощавого веснушчатого парнишку, который службу писарем штаба спецкурсов соединял с обязанностями вестового, мечтательно бредя при этом любой возможностью перейти на судно. Хоть на какое-нибудь, вплоть до ржавеющего у подножия этого склона причального дебаркадера.

⁶ В довоенное время в СССР части береговой обороны (береговой службы) были выделены в отдельный род войск. Их служащие носили форму Военно-морского флота, но воинские звания имели ряд особенностей. В частности, три звания: краснофлотец, старший краснофлотец (ефрейтор) и мичман (армейский старшина) соответствовали аналогичным званиям на флоте. Все остальные звания соответствовали общевойсковым (сухопутным) званиям, от младшего лейтенанта до генерал-полковника, но (с мая 1940 года) с определением «береговой службы».

⁷ Такие специальные командные курсы действительно существовали, их закончил командир береговой батареи № 412 Одесской военно-морской базы, являющейся прототипом той (400-й батареи), что описана в романе. Пользуясь случаем, хочу уведомить читателя, что хотя основой для романа послужила судьба вполне конкретной береговой батареи, однако в руках у вас художественное, а не документальное, подчеркиваю это (!), произведение, в котором фамилии, биографии и судьбы героев в большинстве своем изменены, а значительная часть событий воспроизводится по законам литературного жанра.

Еще две недели назад этот краснофлотец, давно присматривавшийся к Гродову и явно симпатизировавший ему, решился подойти, чтобы, по-уставному попросив разрешения, поинтересоваться:

– Вы ведь и после курсов останетесь морским офицером, так ведь?

– Во всяком случае, в душе, – заверил его старший лейтенант. – Даже если кому-то придет в голову перевести меня в интенданты.

– Вас? В интенданты?! – ужаснулся Фитилин. – Да никогда! Кто ж осмелится?! Чтобы вас – и вдруг... – Очевидно, всякого офицера этот салага считал всесильным и неприкосновенным. Особенно морского. – Я вот о чем: если вдруг попадете на корабль, похлопочите за меня, товарищ капитан. Я ведь из-под Архангельска родом; из-под самого что ни на есть корабельного города. Но получается, что моряком числюсь, а на самом деле...

– Вот видишь, ты уже числишься моряком. А многим и этого не дано. Мне, например. Сто раз просился артиллерийским офицером на любой, пусть даже самый допотопный, крейсеришко. Так ведь нет же!.. У берегового бомбардира, говорят, только душа должна оставаться морской, а все прочие мужские атрибуты обязаны зарываться в берег.

...Приказ о присвоении внеочередного звания Гродову огласили только позавчера под вечер, после очередного экзамена, учитывая успехи в учебе и прочие былые заслуги. Так что он еще и знаки различия на кителе поменять не успел. И потом, на курсах, по традиции, упоминать звание почему-то было не принято. Впрочем, капитан считал, что в этом есть некая высшая армейская справедливость – чтобы все оставались просто «курсантами».

Несмотря на то, что теперь уже следовало спешить, капитан оглянулся на бухту, в глубине которой, у дебаркадера, стояли два морских тральщика. Еще один, укутанный холодным весенним туманом Балтики, кораблик томился у островка, преграждавшего выход в открытое море. Именно этот эсминец чаще всего становился морской мишенью во время учебных «стрельб», которые курсанты проводили на картах прибрежных вод, упражняясь в определении координат цели и прочих артиллерийских данных.

– Товарищ капитан первого ранга, курсант Гродов по вашему приказанию прибыл.

Начальник курсов усталым взглядом окинул рослую, плечистую фигуру представшего перед ним офицера. Ему нравился этот сильный волевой парень с правильными, почти римскими чертами лица, на котором контрастно выделялись прямой, с едва уловимым утолщением на кончике, нос, мощные скулы и широкий точеный подбородок. Причем все это покоилось на широкой, что называется «бычьей», шее циркового борца.

«Береговой полковник», как он сам себя называл, прекрасно помнил приказ, которым командиров и медиков обязывали подбирать для службы в тяжелой артиллерии только физически сильных, выносливых людей, однако в случае с капитаном Гродовым они явно перестарались.

«...И вообще, откуда у него, детдомовца, эта аристократически-буйволиная внешность? – задался флотский полковник тем же вопросом, которым задавался шесть месяцев тому, когда увидел Гродова впервые. – Даже если вспомнить, что перед тобой сын подорвавшегося на mine во время траления краснофлотского старшего лейтенанта. Тоже вроде бы не из «бывших», не из военспецов...».

Невысокого роста, костлявый, жилистый, мучающийся язвой желудка, этот отставной подводник с неприметным, вечно шелушащимся лицом – сумел сохранить в себе независтливое почитание крепких, внешне привлекательных людей. Горлов ценил в них «породу» так же, как и в лошадях, в которых с крестьянского детства знал толк и которых попросту обожал.

– Признаюсь, что хотел оставить вас, капитан, – нарушил береговой полковник им же учрежденную традицию «не упоминать о чинах», – здесь, на курсах, которые вскоре с благословения флотского командования могут превратиться в Особое командно-артиллерийское училище береговой обороны. В худшем случае в специальную школу. Да-да, разговоры об этом

уже ведутся. – Он потербил кончики листиков «личного дела» и вновь с тоской в глазах взглянул на Гродова. – Со временем вы вполне могли бы стать заместителем начальника, а затем и полностью заменить меня.

– Странно, о таких видах я даже не догадывался, – честно признался капитан.

– Под это назначение мне, собственно, удалось добиться для вас внеочередного звания, хотя повышение в звании курсанта – случай редчайший. Разве что он прибыл сюда после подачи представления.

– Всегда буду помнить об этом вашем участии, товарищ капитан первого ранга. Но если уж все выглядит таким образом, то что произошло: мою кандидатуру не утвердили?

– До утверждения дело пока еще не дошло. Для начала важно знать: вы бы согласились остаться? Не по приказу, а по своей воле.

– Думаю, что моего мнения спрашивать не стали бы, а попросту приказали бы остаться. – Конечно же, приказали бы, это уж как водится. Но есть должности, назначая на которые, все же хочется быть уверенным, что люди воспринимают это свое назначение с открытой душой. Хотя и понимаю, что рассуждать таким образом – не по-армейски. Когда-то, в таком же приказном порядке, меня определили в подводники. Во время первого же боевого погружения, к которому ни я, ни двое моих одноклассников подготовлены не были, поскольку произошло оно по внештатной «тревоге», мне казалось, что я схожу с ума. Во всяком случае, был уверен, что до конца похода при здравом уме и без истерик не дотяну. Если же все обойдется, то дезертирую. Да-да, такая безумная мыслишка тоже появлялась.

– И чем же завершилось это погружение во флотскую жизнь?

– Тем, что по возвращении на базу я неожиданно был отмечен благодарностью командира субмарины и суточным увольнением на берег. Признаюсь, что отмечали меня не за храбрость, а всего лишь за своевременную помощь мотористу, поскольку в дизелях я немного разбирался, как-никак до призыва учился на курсах механиков. А еще это первое погружение завершилось тем, что меня заела гордыня: «Я что, трусливее других? Он, видите ли, глубины и замкнутого пространства испугался!». Однако с той поры стараюсь щадить нервы и самолюбие людей; а главное, пытаюсь знать их мнение и возможности. Но это так, к слову... А что готовы сказать мне лично вы?

– Предпочитаю служить на флоте. Даже не в береговой артиллерии, а непосредственно на кораблях.

– И он – туда же! – иронично покачал головой береговой полковник. – С утра до ночи только и слышу: «На флот, на корабли...». К вашему сведению, капитан, береговая артиллерия – тот же флот. Потому что корабли строят вовсе не для того, чтобы ублажать наши морские страсти, а чтобы защищать морские берега страны. Кстати, курсы наши как раз и обучают командиров тому, как эту оборону следует надежно, грамотно выстраивать. Хотя это-то вам, новоиспеченный «капитан», понятно?

– Так точно. Если последует приказ, добросовестно буду служить хоть в береговой артиллерии, хоть на курсах. Однако же речь, напомню, шла о тяготении души.

Но даже этим своим заверением «новоиспеченный капитан» береговому полковнику Горлову не угодил.

– «Приказ, приказ...», – проворчал тот. – Все ждут приказов, как манны небесной, не задумываясь над тем, что сами собой эти приказы не появляются. Сначала появляется надобность в них, затем – человек, который порождает сам документ. Причем никогда не угадаешь, с каким именно умыслом... порождает. Ну а служить... Служить везде нужно только добросовестно – это сомнению не подлежит.

3

От потока воспоминаний бригадефюрера отвлекло появление на речном полуострове, в бухточке которого под кронами древних ив притаилась «Дакия», двух румынских офицеров.

– Позвольте представиться: – на хорошем немецком произнес один из них, – капитан Штефан Олтяну, командир отдельной батареи тяжелой артиллерии. Со мной – лейтенант Чокару, – кивнул он, не оглядываясь при этом назад, – командир первого огневого взвода.

– Помню вас, капитан, помню. Месяц назад мне рекомендовали вас как самого железного из «Железной гвардии» Хориа Симы. И на этом основании требовали арестовать как активного участника январского гвардейского мятежа⁸.

– Так оно и было, господин генерал СС, – подступил капитан почти к самому борту судна.

Мешковато коренастый, с лишенным какого-либо благородства крестьянским лицом и слегка выющимися рыжеватыми волосами, Олтяну, конечно же, мало напоминал того воинственного римского легионера, образ которого сумел создать в своем воображении. Но все же в твердом взгляде и в грубо скроенной фигуре этого человека проявлялось нечто такое, что заставляло проникаться к нему каким-то особым внутренним доверием.

– Следует полагать, что теперь убеждения ваши изменились?

– Наоборот, окрепли. Причем уверен, что вы предвидели это, но тем не менее предложили сотрудничать с вашей службой. Почему, с какой стати, вы остановились именно на мне, этого я не знаю, но... Согласия своего я так и не дал, но все равно вниманием вашим приятно польщен.

– Сейчас мы предлагаем свое сотрудничество многим румынам, – попытался генерал сбить с него спесь, – помня при этом, что мы – союзники и перед нами общий враг.

– Возможно, многим, – слегка стушевался капитан, – однако в эти минуты я говорю о вашем отношении ко мне, и моем – к вам. Ибо для меня важно теперь только это.

– Это слегка проясняет ваши позиции.

– Надеюсь, что проясняет. – Олтяну знал, что в рейхе офицеров СД, а тем более гестапо, все явно опасаются. Но он-то находился в Румынии, где и своей политической полиции хватало.

Бригадефюрер неспешно закурил французскую сигару из своих «колониальных запасов» и, только после того как сделал несколько затяжек, слегка наклонился над открытой частью мостика:

– И что же, вы явились, чтобы заверить меня в готовности служить в разведывательно-диверсионном отряде?

– Мне приказано где-то здесь, на этом мысу, расположить свою батарею, огнем которой смогу перекрывать все устье Сулинского гирла и даже обстреливать устье пограничного Килийского...

Желваки на лице бригадефюрера напряглись так, словно вот-вот должны были разорвать кожу на его арийско утонченных щеках. В свои «около пятидесяти» начальник Румынского управления СД сумел сохранить и почти унтер-офицерскую выправку, и благородство осанки; даже морщины на его холеном лице казались всего лишь мазками театрального грима.

⁸ Имеется в виду мятеж, организованный активистами «Железной гвардии» 19–23 января 1941 года, в результате которого были совершены нападения на полицейские посты и участки, некоторые воинские подразделения, а также предпринята попытка развернуть волну еврейского погрома. При этом лидеры мятежников рассчитывали на поддержку руководства рейха и командования германских вооруженных сил в Румынии (к тому времени здесь расквартировался 500-тысячный контингент вермахта и люфтваффе), но поскольку этого не произошло, то мятеж был подавлен правительственными войсками.

– Считайте, что своей властью я отменил этот приказ, и вам надлежит расположиться в двух километрах выше или ниже по течению, – жестко молвил Гравс, глядя куда-то поверх головы артиллериста. Причем предупреждаю, что обсуждению этот приказ не подлежит.

– Мне безразлично, где именно окапывать свои орудия, – спокойно заметил капитан. – Но вопрос в том, обязан ли я, точнее, имею ли право, подчиниться вам, поскольку приказ моего командира может отменить только...

– Считаю, что расположить батарею, – не дал ему договорить бригадефюрер, – вам лучше всего ниже по течению. Отсюда, с ходового мостика, прекрасно просматривается излучина реки, где орудия можно окапывать прямо на вершинах прибрежных холмов. Не для того я переносил свой штаб на это судно, чтобы даже здесь, в этом камышовом раю,глохнуть от ваших орудийных залпов.

Капитан помялся, оглянулся на стоявшего в трех шагах позади него лейтенанта, словно искал у него поддержки или ждал совета, и лишь после этого пожал плечами:

– Поскольку вы – генерал союзной нам германской армии и значительно выше по чину от приказавшего мне майора, я подчиняюсь, а при случае, естественно, доложу...

– Помнится, вы утверждали, что хорошо владеете русским, – вновь прервал его бригадефюрер.

– С заметным акцентом, по которому в Кишиневе, Бендерах или в Одессе легко отличают молдаванина от русского или украинца. Я родился в Аккермане⁹, если вам знакомо это название.

– Знакомо. Там расположена старинная – некоторые историки уверены, что даже очень старинная – крепость на Днестре. К тому же когда-то, очень давно, там располагалась греческая колония, а затем – постоянный лагерь римских легионеров. Если только я ничего не напутал.

– Именно так все и было. Кстати, прежде чем попасть в Бухарестское военное училище, я жил в Кишиневе. Так что родина моя там, за Дунаем и Прутом.

– Тем более, тем более, – проворчал бригадефюрер, имея в виду что-то свое. – Завтра, к десяти ноль-ноль, жду вас здесь, на этом СС-ковчеге, поскольку понятно, что затеянный нами разговор требует завершения.

Подождав, пока румынские офицеры скроются за камышовыми зарослями, барон перевел взгляд на крышу видневшейся вдаль, на холме, камышовой хижины, которая с первого дня привлекала его внимание. Недавно фон Гравс наведлся к ней и обнаружил, что строение это стоит на болотном острове и добраться до него можно только по полузатопленному бревенчатому настилу, по эдакой гати. Однако сам островок был каменисто-песчаным, сухим, и поскольку он хорошо прогревался весенним солнцем, то теперь старинные сосны, окружавшие хижину, наполняли воздух резким запахом хвои и древесной смолы.

Бегло осмотрев хижину, барон так и не понял, каково ее истинное предназначение, однако аккуратно сложенная печь, лежанка и все прочее свидетельствовали о том, что она могла давать приют любому страннику, в том числе и заброшенным сюда, в плавни между двумя гирлами, парашютистам. Впрочем, о парашютистах и диверсантах бригадефюреру думать сейчас не хотелось. Другое дело, что на какое-то время он и сам почувствовал себя одним из таких странников.

Выслушав доклад адъютанта Гольдаха и двух солдат охраны о том, что все окрестности острова осмотрены, он уселся на «скамью», которой служило здесь положенное на пни ивовое бревно. Ему не хотелось думать ни о войне, ни о разведке. Он долго сидел под сомкнутыми сосновыми кронами, почти умиленно всматриваясь в пульсирующий родничок на дне неглубокого, в два лопатных штыка, колодца и предаваясь при этом бездумному полузабытью.

⁹ Аккерман – одно из старинных названий города Белгорода-Днестровского (ныне – Одесской области Украины). До войны румыны называли его именно так.

В каких-нибудь двух десятках километров отсюда пролегали берега одного из рукавов величайшей европейской реки¹⁰, которые вскоре должны были стать берегами фронтового противостояния, берегами войны, причем, судя по всему, тоже мировой. Так что эти минуты, проведенные посреди девственной природы, приобретали для генерала какое-то особое значение. И не только потому, что он – военный; давали знать о себе жизненный опыт и возраст, которые все напористее достигали у него порога молитв и исповедей.

Этот камышовый хуторок настолько понравился фон Гравсу, что после проведенного там часа ему уже не хотелось возвращаться на «Дакию», хотя до этого он считал свою яхту лучшим штабным строением из когда-либо придуманных военными инженерами. В свое время это снабженное двумя бортовыми крупнокалиберными пулеметами судно служило личной яхтой адмиралу, командующему румынской Дунайской флотилией, а по существу было его плавучим штабом. Но около года назад оно с какой-то оказией было куплено РСХА на некое подставное лицо, в счет поставок румынам германского вооружения.

Ходили слухи, что после небольшого ремонта и переоснащения «Дакия», только уже под другим названием, должна была стать дунайской яхтой фюрера, поскольку соответствовала всем выдвигаемым к подобным судам требованиям. Но что-то в этом замысле берлинского чиновничества не сработало, и вскоре бронейхта была высочайше пожертвована для нужд «СД-Валахии».

Если учесть, что «валашскому фюреру» и его разведывательно-диверсионным помощникам нередко приходилось передвигаться по берегам Дуная, на которых было сосредоточено немало городов, да к тому же по реке можно было «дефилировать» у самой советской границы, то пожертвование это было своевременным и выгодным. Так что зря предшественник фон Гравса счел появление в его ведомстве бронированной, вооруженной яхты некоей экзотической ненужностью. Правда, все знали, что шефа валашского СД начинало укачивать, едва он приближался к любому плавсредству или просто к кромке воды, но ведь оправданием это служить не могло.

Как бы там ни было, а в течение почти полугода «Дакия» простояла на задворках бухты какого-то судоремонтного завода, благо, что подчиненные предшественника позаботились об ее охране. Барон фон Гравс тоже вспомнил о ней не сразу, а в свой плавучий штаб превратил только после приказа рейхсфюрера СС Гиммлера о резком усилении подрывной работы против Советов и передислокации на этом основании штаба «СД-Валахии» в район почти приграничного Галаца.

Этот грязный, испещренный базарами, да к тому же наводненный несметным количеством неухоженных цыган и торгашеского еврейского люда румынский город барону как-то сразу же не понравился. Тем более что теперь он еще до предела был забит войсками, армейскими каруцами и военной техникой.

Вот тогда-то штандартенфюрер Кренц, один из немногих, кто остался в «СД-Валахии» после изгнания из Румынии их шефа, подал ему спасительную идею о штабной яхте «Дакии». Три недели, проведенные в Галаце, показались брезгливому, холеному барону таким кошмаром, что он тут же ухватился за нее, обнаружив, к своему удивлению, что яхта обладает двумя мощными рациями и радиотелеграфом, а главное, ее коммутатор мог подключаться к телефонной линии любого из крупных портовых городов.

И все же теперь, стоя на палубе «Дакии», которая по очертаниям своим напоминала слегка уменьшенный эсминiec, бригадефюрер с тоской посмотрел на островной хуторок. Это

¹⁰ Устье Дуная расчленяется на три больших гирла (рукава): Килийское, пограничное между Румынией и СССР (а теперь – Украиной); Сулинское и Георгиевское, находящиеся на территории Румынии. Все они образуют два сравнительно больших болотистых, малозаселенных острова.

был тот случай, когда даже комфортабельная адмиральская каюта не могла затмить впечатления, вынесенного из прогулки на безымянный рыбачий остров.

4

– Ну что, просмотрел я ваш послужной список, капитан, – проговорил береговой полковник, похлопывая костлявой, дрожащей рукой по «личному делу» Гродова. Причем сказано это было таким тоном, словно Дмитрий настаивал на изучении своей биографии. – Тут все, как полагается: Севастопольское училище береговой артиллерии Военно-Морского Флота – с отличием. Дальше – командир огневого взвода береговой батареи в Новороссийске, где с обязанностями, если только отцы-командиры не врут, справлялся очень даже неплохо. Да и с командованием береговой батареей в Керчи тоже вроде бы получилось.

– Во что и мне тоже хочется верить, – вежливо склонил голову Гродов.

– Теперь вот – специальные курсы командного состава... В ваши-то годы – и с таким послужным списком, таким перечнем поощрений...

– Стараюсь, товарищ капитан первого ранга.

Береговой полковник выдержал небольшую паузу, во время которой смотрел куда-то в сторону окна, а лицо его превратилось в гипсовую маску.

– Но дело в том, что внимательно знакомиться с «делами» курсантов привык не только я.

– Тоже... понятно, – многозначительно вырвалось у Гродова.

– Ничего вам пока что не понятно, – проворчал береговой полковник, предвидя, что курсант готов грешить на особый отдел. – Как говорят в подобных случаях, все дело в конфликте интересов. Поступил запрос от командующего Одесской военно-морской базой контр-адмирала Жукова¹¹.

– Даже так?!

– Где-то под Одессой у него расположена особая, сверхтяжелая береговая батарея, с подземным городком, подземными ходами соединения и всем прочим. Казалось бы, все нормально, но дело в том, что до сих пор комбатами там становились то бывшие полевые «сорокапятчники»¹², то минометчики... А нужен основательно подготовленный, опытный береговик-дальнобойщик. Причем срочно, поскольку на дунайском пограничье еще беспокойнее, чем у нас, под боком у белофиннов и продавшихся рейху норвежцев.

– Вот теперь уже окончательно прояснилось, – облегченно вздохнул Гродов, давая понять, что все лишние вопросы снимаются. Причем менее всего ему хотелось, чтобы хоть какие-то вопросы возникали у представителей вездесущих «органов».

– И все бы ничего, но случилось так, что тут я со своим представлением на повышение тебя в звании подставился, – продолжил излагать суть дела береговой полковник. – Ну, в высоком штабе посмотрели: южанин, с дипломом артучилища береговой обороны и опытом командования береговой батареей, с прекрасными характеристиками. Что еще нужно? Словом, наш контр-адмирал решил-таки скрепить вами, курсант, дружбу с контр-адмиралом черноморским: нате, мол, от щедрот наших, все лучшее, что имеем. На его месте я, наверное, поступил бы точно так же.

– Поэтому простим адмиралам их минутные слабости. Служить в Одессе... Не Севастополь, конечно, но все же... – расплылся в улыбке Гродов.

¹¹ Жуков Гавриил Васильевич (1899–1957). В 1937–1939 гг. командовал крейсером «Максим Горький» на Балтике. В марте 1940 года контр-адмирал Жуков был назначен командующим Одесской военно-морской базой. 19 августа 1941 года, когда румыно-немецкие войска подошли к Одессе, именно он стал командующим Одесским оборонительным районом. С 1944 года – он уже вице-адмирал, заместитель командующего Черноморским флотом.

¹² «Сорокапятчники» – артиллеристы, служившие в батареях, вооруженных легкими орудиями 45-го калибра. Как выяснилось, орудия этого калибра оказались совершенно непригодными для борьбы с германскими танками, но благодаря своей легкости и маневренности были чтимы пехотой как орудия поддержки.

Он всегда осознавал себя заядлым пловцом и, само собой, любил теплое море, солнце и загорелые девичьи тела. Хотя кого этим удивишь? Другое дело, что сам вид холодного Финского залива, вечно туманной Балтики, над которой солнце появлялось словно какое-то невиданное природное чудо, навевали на него грусть. Шесть месяцев, проведенных на курсах, убедили его в этом. А уж тем, кто попадал на Северный флот, в Антарктику, он вообще не завидовал.

– Я предугадывал, что именно так и воспримете это назначение. – Береговой полковник натужно, по-стариковски кряхтя, поднялся из-за стола. Когда он прохаживался за спиной у капитана, тот слышал, как у начальника курсов ревматически поскрипывали колени. И даже скрип новых хромоных сапог не в состоянии был заглушить стеление его суставов. – Перед отъездом у вас будет трое суток. После завтрашнего последнего экзамена, естественно. На личные, душевные дела и всяческую суету.

Он остановился сбоку от Гродова и, хитровато щурясь, заглянул ему в лицо. «Наверное, – подумалось капитану, – так и ведут себя отцы, когда хотят вывести тайну сердца неожиданно повзрослевших сыновей».

– Благодарю за трое суток, товарищ капитан первого ранга.

– Кстати, как у нас там, на любовной передовой? – проигнорировал начальник курсов его благодарность, недовольный тем, что курсант пытается уйти от разговора.

– Да пока что сплошные позиционные бои.

– Значит, долго в обороне засиживаемся. Тактические просчеты сказываются, командир.

– Учту на будущее, – развел руками Гродов. – В любом случае тактику придется менять – это уж точно.

– Хотя, вообще-то, странно, – заинтригованно повел подбородком береговой полковник. – По штабам и казармам пронеслась другая информация, более обнадеживающая. К тому же, замечу, что неженатый капитан – это уже не по-флотски. Он становится ненадежным, как не вовремя проконопаченный баркас.

– Про «непроконопаченный баркас» – это сказано хорошо.

– И давайте договоримся так, по-офицерски. Больше двух лет я здесь все равно не продержусь, уже хотя бы по возрасту и здоровью. Уходя, буду рекомендовать вас как стоящего в резерве комсостава училища. И не вздумайте упираться, апеллировать к своему контр-адмиралу. Как бы вы, будучи комбатом, ни старались, все равно повышения в звании, а значит, и в должности, не будет. Потому как для командира батареи не предусмотрено. Служим не ради чинов, но притча о рядовом с маршальским жезлом в ранце вам тоже известна.

– Так точно, известна.

Береговой полковник вернулся на свое место за столом, какое-то время задумчиво смотрел на личное дело Гродова, но затем как-то безнадежно махнул рукой:

– Все, курсант; у меня – все. Но пока что не свободны. Зайдите в кабинет старшего политрука, там с вами один человек побеседовать желает.

– Ко мне приехал кто-то из знакомых?

– Из армейской разведки. Этого командира я знаю лично. Подполковник Бекетов. Он, правда, не из наших, флотских, а закоренелый «береговик», – всю мужскую часть страны начальник училища, похоже, делил на низшую расу, то есть обделенных судьбой «береговиков», и высшую – «флотских». – Однако мужик все равно толковый, офицер старой русской закваски. Хотя знаю, что говорить об этой «закваске» теперь не положено.

– Мой отец тоже никогда не гнушался подобного определения. Сама принадлежность к офицерской касте для него значила очень многое.

– Выходит, что с вами, капитан, мы тоже единомышленники. В любом случае советую прислушаться к предложению подполковника. Все, идите. Кстати, с вашими данными – посту-

чал он пальцем по папке, – он знаком, наверное, лучше, чем я, а потому готов относиться к вам со всей возможной добротой.

В подтексте это означало: «Никакого компромата подполковник на тебя не насобирал, поэтому главное – не выкаблучивайся, и все будет хорошо». Однако поинтересоваться, с каким предложением ему придется столкнуться в кабинете комиссара курсов, так и не решился.

Кабинет старшего политрука находился в соседнем крыльце штабного корпуса, но, прежде чем войти в его сумеречную сырость, капитан взглянул на открывавшийся отсюда, с плато, уголок залива. Выглянувшее было солнышко опять растворилось в пелене тумана и теперь «демаскировалось» разве что едва заметным розоватым кругом, обозначающим угасающий нимб светила.

«И это в апреле! – саркастически заметил Гродов. Мысленно он уже видел себя на солнечном берегу Одесского залива. – Приблизительно так же небо в Керчи выглядит в преддверии снежной бури».

5

Едва бригадефюрер удобно расположился в кресле и налил себе чешской «сливовицы» – единственного хмельного напитка, который он признавал, и запасы которого ему постоянно пополняли из Южной Моравии, – как по внутреннему телефону из капитанской рубки позвонил адъютант Гольдах.

– Позвольте доложить, господин бригадефюрер, что только что прибыл агент по кличке Лицедей.

– Лицедей, говорите? Действительно, такой агент у нас, кажется, существовал.

– Не сомневайтесь, господин бригадефюрер, он все еще существует. Просто мы использовали его на «румынском направлении».

– Если не ошибаюсь, до сегодняшнего дня он умудрился дважды побывать в Кишиневе и в районе Одессы.

– После первого успешного возвращения в кабинетах руководства СД и в гестапо ему долго не доверяли, – напомнил Гольдах.

– Почему? Были основания предполагать, что его перевербовали русские?

– Ничего, кроме вполне естественных подозрений, нашим следователям предъявить этому агенту не удалось.

– Но подозрения тоже на чем-то основывались. Во всяком случае, должны были бы основываться.

– Насколько мне известно, они строились на невероятности самого факта возвращения этого агента.

– Разве ни один наш агент оттуда не возвращался?

– Возвращались. Такие примеры тоже известны, но... Мы тогда послали на юг СССР, в Украину, сразу шесть агентов, которые не были знакомы друг с другом, не знали чужих явок и паролей. Но вернулся только Лицедей, остальные то ли погибли, то ли оказались в руках энкаведистов.

– В таком случае напомните, кто скрывается под этой кличкой?

– Русский офицер, бывший контрразведчик в белой армии генерала Врангеля, поручик Петр Крамольников.

– Ах, вот оно что! Это опять Крамольников?! Знакомое, знакомое имя.

Бригадефюрер давно обратил внимание на то, что адъютант обладает почти феноменальной памятью на клички работавших под его, Гравса, началом агентов; а также на даты и события. Его служебная память представляла собой настоящее агентурное досье.

– Кстати, мы опирались на него и как на осведомителя, и как агента влияния в самой Румынии.

– И каким же образом он оказался в местах стоянки нашей яхты?

– Проездом из России.

Дорогой венский бокал, опрометчиво наполненный пролетарской сливовицей, застыл у самого рта барона фон Гравса.

– Опять из России?! – На каждого агента, умудрившегося вернуться из рейда в Советский Союз, бригадефюрер готов был молиться. Если бы только не подозрение, что вернулся он все же по заданию русской разведки.

– Как выяснилось, сегодня утром его высадили с проходящего судна на рейде Сулины. В катере, который подобрал агента, находился наш человек.

– Хотите сказать, что наступили времена, когда агенты германской и румынской разведок могут свободно садиться где-нибудь в Одессе или в Новороссийске на проходящие суда и прибывать в Румынию пассажирами первого класса?

– Подробности его прибытия мне пока что не известны. Но вполне допускаю, что предполагаемый вами способ – самый надежный.

Барон проворчал нечто нечленораздельное и какое-то время наслаждался букетом своего любимого напитка.

– В порту его встретил гауптштурмфюрер Генше, который заставил Лицедея написать письменный отчет о советском рейде и теперь приехал сюда вместе с ним.

– Письменный отчет – это правильно. Тем не менее важно другое: Генше уже допросил его?

– Почти с пристрастием. Никаких подозрений поведение Лицедея и его показания пока что не вызывают.

– Такого не может быть, – иронично ухмыльнулся бригадефюрер. – Значит, это было не «с пристрастием».

– Так и передать Генше?

– Не может не вызывать подозрения агент, который вернулся из России. Один из немногих... вернувшихся.

– Это стоит осмыслить, господин бригадефюрер, – молвил адъютант свою излюбленную фразу. – Прибывшие могут войти?

– Генше меня пока что не интересует, – отрубил бригадефюрер. – Пусть продолжает «осмысливать». А вот письменный отчет Лицедея – мне на стол. Через полчаса приведете и самого сочинителя.

6

Откреститься от предков-степняков Бекетов явно не мог. Удлиненное смуглое лицо; темные, с азиатской косинкой глаза, черные, густым торчком, волосы...

– Согласен, по Европе с такой внешностью в разведке не погуляешь, – уловил он явно разочарованный взгляд Гродова. – Но в азиатских республиках она служила исправно.

Коренастый, по-кавалерийски кривоногий, он стоял перед Гродовым, как перед гигантом, и, покачиваясь на носках, демонстративно, чуть склонив голову, смотрел на него снизу вверх, словно мальчишка – на огромную статую. Причем собственная приземленность подполковника не смущала; скорее всего он давно свыкся с ней, как свыкаются со своим ростом и положением в обществе карлики.

Мундира на Бекетове не было, а серый, в едва заметную полосочку пиджак был надет на бесцветную рубашку, не знавшую ни утюга, ни галстука. Удовлетворив свое любопытство, береговой подполковник вернулся за стол, уселся за него, широко расставив руки, как обычно сидят только очень важные начальники, и выжидающе уставился на капитана.

– Уже трижды вы настойчиво добивались внимания этой молодой и красивой... – словно картежный шулер из рукава, подполковник выложил на стол фотографию девушки, не узнать которую Гродов попросту не мог. – Станете отрицать?

– С какой стати? – задиристо парировал капитан, забывая о мудром наставлении начальника курсов.

Это была Валерия, – во всяком случае, так она назвалась, – девушка, по какой-то странной случайности трижды подряд попадавшаяся ему на автобусной остановке, к которой привозил курсантов их «увольнительный», выловленный на шоссе рейсовый автобус. Остановка «Спортивная» традиционно считалась местом свиданий курсантов, давно пользовавшихся репутацией завидных армейских женихов. Но всякий раз девушка держалась особняком, ни к кому не бросалась, а чинно шествовала чуть в сторонке от всех, направляясь туда, куда устремлялся только Гродов – к спортзалу Ленинградской военно-морской базы.

Вряд ли она догадывалась, что в этом зале ему как бывшему самбисту предоставлялась возможность два часа увольнительной тратить «на поддержание борцовской формы». И даже нашелся спарринг-партнер из флотских старшин-сверхсрочников, такой же «пленник рукопашного боя», как и он.

– Но у девушки не было оснований жаловаться, – готов был возмутиться Гродов. И только теперь вспомнил, что уже однажды видел лицо этого берегового подполковника за рулем легковой машины, стоявшей у спортзала. Когда они с Валерией поравнялись с машиной, этот человек, тогда он был в форме, демонстративно отвернулся, деликатно давая понять: «Считайте, что я здесь не появлялся!».

– Уверены, что причин не существует? Абсолютно никаких?

– Мы всего лишь беседовали. Я предложил познакомиться, – по-школярски попытался оправдываться Гродов.

– Если вы считаете, что три сведенные на нет встречи – это для женщины не повод для возмущения, тогда конечно.

– Это... ваша дочь? Нет, просто родственница?

– Главное, что не жена, иначе мне, ревнивцу, пришлось бы пристрелить вас. А теперь хватит есенинской лирики, садись, – нахраписто перешел он на «ты». – Поскольку будем считать, что в агентурную сеть разведки я тебя уже завербовал, то сразу же приступим к деталям.

– Станный у вас способ вербовки, товарищ подполковник, – побряхтел Гродов.

– Меня ведь готовили к работе на азиатском направлении, а там, как ты знаешь, все построено на коварстве. Азиатском, естественно.

– Вообще-то, я еще хотел послужить в береговой артиллерии. Именно к этому я готовился, по этому профилю получал образование.

– И послужишь еще... какое-то время. Поначалу у меня возникла мысль сразу же отправить тебя в разведывательно-диверсионную школу, в группу контрразведки. Но теперь планы изменились. Впрочем, ты и так достаточно подготовленный, так что поедешь служить под Одессу, на секретный оборонный объект государственной важности. Но уже сотрудником армейской контрразведки, внештатным пока еще. И кодовая оперативная кличка у тебя хорошая, по-настоящему морская – Адмирал.

– Почему так сразу... Адмирал? – замялся Гродов.

– Вот видишь, ты уже не интересуешься, почему сразу «агент», а сразу же уточняешь, почему оперативная кличка Командор. А ты говоришь: «вербовка странная». Самая обычная вербовка. Что же касается Командора, то почему ты меня об этом спрашиваешь? Откуда мне знать, почему весь детдом звал тебя Командором? Наверное, потому и звал, что ты все время пытался щеголять в отцовской тельняшке да с форменной морской фуражкой не расставался, пока ее, в конце концов, не увели. Но впервые так назвал тебя директор детдома. С его «благословения» кличка тут же прижилась. Нет-нет, тогда еще никто тебя под колпаком не держал, просто с тех пор прошло не так уж и много лет. Воспитатели и одноклассники твои живы-здоровы, вот и собрали по крохам, по словечку.

Дмитрий удивленно покачал головой.

– Получается, что о детдоме вам тоже все известно...

– Не говоря уже о Севастопольском артиллерийском училище береговой обороны флота.

– Ну, там ничего особого не происходило.

– Ничего порочащего, хочешь сказать?

– Тогда вы почему-то вербовать меня не старались, – с ироничным упреком заметил Гродов. – А ведь за это время меня можно было основательно подготовить.

– И готовили. Училище окончил, офицерское звание получил, военную закалку прошел. Это, по-твоему, что, не подготовка?

– Но не контрразведчика же...

– Почему «не контрразведчика»? Знаешь, как меня готовили? Совсем молодого парнишку, необученного и почти неграмотного, заслали в банду басмачей. Трижды я был на грани провала, трижды меня ставили на колени, приставляя нож к кадыку. Такая закалка-подготовка тебя устроит? Могу организовать. Ладно, не пыжись, никто из нас не знает, на что он в действительности способен, как поведет себя в той или иной ситуации. Зато потом позволили служить в контрразведке Каспийской военной флотилии. Кстати, о подготовке. Ты ведь сразу, с первого курса, стал заниматься борьбой самбо, разве не так?

– Занимался, но исключительно для самообороны.

– Так вот, всякий контрразведчик обязан прекрасно владеть этими самыми приемами самбо, то есть «самообороны без оружия». И потом, разве у вас в училище действовала такая секция? Ты даже не знал, что подобная вообще в Севастополе существует, а приемам рукопашного боя вас обучали во время занятий по общей физической подготовке. Разве не так?

– Возражений не последует.

– Но однажды во время зачета по физической подготовке к тебе подошел невзрачный такой мужичок и, представившись сотрудником некоего спортивного общества, настоятельно посоветовал на следующий день явиться в спортзал базы подводников.

– Да, было такое, действительно, появился и посоветовал, – поползли вверх брови капитана.

– А потом до конца учебы в училище ты занимался по «особой усиленной программе ГТО для подводников», ни разу не задумавшись над тем, что название-то совершенно нелепое. А нелепость его происходила от того, что на самом деле вашу группу из двадцати спортсме-

нов, собранных со всего Крыма, обучали по программе силовой подготовки контрразведчиков Военно-Морского Флота. Причем двенадцать членов группы уже были штатными сотрудниками этой благословенной Богом организации. И наконец, первое свое поощрение во время службы в Новороссийске ты получил за проявленную бдительность и задержание агента вражеской разведки, пытавшегося, соблазняя большими деньгами и обещанием переправить на Запад, – вербовать тебя еще более нагло, нежели это делаю сейчас я.

– Мне действительно пришлось задержать его прямо у расположения батареи.

– Но, проводя захват его левой руки, ты не обратил внимания, что в правом рукаве, на специальной подвязке, у «шпиона» была финка, которой он за милую душу мог бы вспороть тебе живот. Чтобы ты не мучился догадками, сообщу, что задержанный был нашим сотрудником, отрабатывавшим операцию по вербовке, с одновременной проверкой тебя на надежность.

Гродов извлек из кармана брюк платочек и вытер пот. Причем не потому, что в кабинете было так уж жарко. Ему не хотелось верить подполковнику, тот попросту подгоняет те факты, которые агентам контрразведки или кого-то там еще удалось собрать за время его учебы. Точно так же, как собирали их за времена его школярства. Но и в том, что Бекетов говорит неправду – тоже уверенности не было.

– Следует полагать, что и на эти ленинградские курсы я попал по вашей протекции?

– По протекции нашей организации. Понимаю, что назначением командиром особой батареи под Одессой мы расстроили планы нашего, как вы его называете, «берегового полковника». Но, возможно, со временем ты действительно возглавишь отдельную группу контрразведки, которая будет проходить подготовку при спецшколе командного состава, а то и саму школу... но уже командного состава контрразведки.

– Значит, если бы я сейчас отказался, тогда?..

– Тогда ты испортил бы мне, капитан, настроение. А я всегда был почитателем философии последней маньчжуро-китайской императрицы Цыси¹³, создавшей, к слову, лучшую внутреннюю – подчеркиваю: внутреннюю – разведку мира. Так вот, в подобных случаях императрица говаривала: «Кто хотя бы раз в жизни испортит мне настроение, тому я испорчу его на всю жизнь».

– Доходчивое объяснение, – вежливо признал Гродов.

– Так ведь у нас только так, – хищно улыбнулся Бекетов, – у нас – все открыто и доходчиво.

Решив, что с вербовочными изощрениями покончено, береговой подполковник объявил курсанту, что ему придется задержаться в Ленинграде не на три дня, а на четырнадцать. Причем полностью в его распоряжении окажутся только два дня, а в течение остальных двенадцати с ним по восемнадцать часов в сутки будут работать опытные сотрудники контрразведки. У них это называется «прогон по ускоренной программе, с испытанием на бессонницу». При этом Гродову пришлось согласиться, что отдыхать-отсыпаться он станет уже на батарее, ибо, чем еще ему там, на свежем морском воздухе, заниматься? А еще подполковник назвал ему адрес в Ленинграде, по которому он три дня спустя обязан был явиться для дальнейшего прохождения подготовки. О его новом жилье и питании там позаботятся.

Гродов уже направился к выходу, но у самой двери все же решил:

– Так, а что, собственно, приключилось с этой девушкой, с Валерией, товарищ подполковник? Я так и не понял, почему вдруг возникло ее имя?

– А что с Валерией? – удивленно переспросил Бекетов. – О ком именно речь? Ты бы выражался как-нибудь доходчивее.

¹³ Цыси (1835–1908) – маньчжурская императрица, которая в 1861–1908 годах фактически правила всем Китаем. Прославилась своим коварством и прекрасно налаженной внутренней разведкой, систему которой до сих пор изучают в разведывательно-диверсионных школах и прочих центрах шпионской подготовки.

– Извините, вы сами затеяли разговор об этой девушке. Наверное, мне нельзя было встречаться с ней? Она оказалась под подозрением как дочь «врага народа» или что-то в этом роде?

– Ни то, ни другое, – пожал плечами контрразведчик. – Девушка, как девушка. Кстати, ей уже двадцать семь лет, то есть вполне зрелая женщина, способная постоять за себя. И вообще, давай пока что не будем впутывать в эту сугубо мужскую историю женщин.

– Договорились: не будем, – удивленно согласился капитан. А для себя решил: «Значит, все просто. Они следили за мной, но, как только на горизонте всплыла фигура девушки, тут же начали выяснять, кто такая и по какому поводу...».

7

В первый «личный» день Гродов, как обычно, доехал на автобусе до остановки «Спортивная». Обнаружив, что Валерии нет, он еще около часа ждал девушку, неспешно прохаживаясь между спортзалом и заводским Дворцом культуры, куда вместе с однокурсниками несколько раз навещался на танцевальные вечера. О встрече они не договаривались, точнее, они вообще ни о чем не договаривались, поскольку почти не общались. «Прекрасная незнакомка» молчаливо провожала его до спортзала, вежливо пресекая все попытки познакомиться поближе или условиться о следующей встрече, и шла дальше, чтобы исчезнуть в одном из ближайших дворов.

А незнакомке действительно было чем бросаться в глаза. Рослая, прекрасно сложенная, с высокой грудью и сильными икрестыми ногами, Валерия способна была пленить мужчину подчеркнуто первозданной, сельской красотой. Тем более что в арсенале девушки всегда оставались пышные черные волосы и широкое смугловатое лицо, на котором особенно выделялись выразительно очерченные, чувственные губы да наделенные каким-то особым, аристократически томным взглядом вишневые глаза.

Будучи курсантом, он дважды приезжал в родной городок своего отца, Кодыму, и вместе с двоюродным братом Михаилом, работником Министерства сельского хозяйства крохотной Молдавской Республики¹⁴, и, по совместительству, счастливым обладателем мотоцикла с коляской, несколько раз навещался в ближайшие молдавско-украинские села. Полуукраинец-полумолдаванин по происхождению, брат все еще оставался холостым и непременно хотел взять в жены такую же полумолдаванку.

«Нет в мире более красивых, трудолюбивых и выносливых женщин, чем помесь украинки с молдаванкой», – убеждал он курсанта, принявшего обет безбрачия вплоть до получения лейтенантских петлиц.

Однако все те красавицы, которых «рекомендовали» Михаилу местные свахи, тут же «бросались» на Дмитрия, которого тот и брал-то с собой, как выяснилось, только потому, что опасался сельских парней-ревнивцев. И напрочь игнорировали при этом самого – худощавого, мелковатого, с неприметным прыщеватым лицом – «завидного министерского жениха».

Возрождая в памяти подробности этих поездок, капитан в то же время вспомнил, что забыл о бдительности. Он несколько раз внимательно осмотрелся, специально пройдясь мимо пустующего, припаркованного возле какого-то заведения служебного автомобиля. Увы, никого, кто способен был бы посочувствовать ему по поводу несостоявшегося свидания, в окрестностях спортивного зала не наблюдалось.

Ну, а что касается тех давних молдавских вояжей... Гродову, действительно, попадалось несколько девушек, внешностью своей напоминавших Валерию. При встрече с одной из них Гродов даже почувствовал, что готов отречься от курсантского обета безбрачия, если бы только она не оказалась помолвленной. Как ни странно, время от времени лицо этой девушки все еще является ему.

При первой же встрече с Валерией, на которую ему теперь посчастливится, капитан решил поинтересоваться, не из тех ли она полумолдавских кровей, на которые так и не повезло

¹⁴ В 1920-х годах, по инициативе советских командиров «из бессарабцев» Г. Котовского и М. Фрунзе, из приднестровских районов Украины была создана небольшая Молдавская Автономная ССР (со столицей сначала в Балте, а затем в Тирасполе) в составе Украины. Это было сделано в противовес той, настоящей, исторической Молдавии, между Днестром и Прутом, которая оказалась под юрисдикцией Румынии для военно-политического давления на Румынию на предмет «объединения всех молдавских земель». После войны, когда была окончательно воссоздана Молдавская ССР в составе СССР, Украине была возвращена только часть ее земель. Остальная же, та, которая составляет сейчас территорию непризнанной, конфликтной Приднестровской Молдавской Республики, была оставлена за Молдавией, превратившись в яркий пример того, как опасны «территориальные мины», независимо от того, кто и с какой целью их закладывает.

его брату. Да, не повезло. В конечном итоге Михаил умудрился взять в жены салонно ленивую, совершенно не приспособленную к крестьянскому труду польку, случайно прибывшую в столичную Балту и запойно загулявшую чуть ли не через неделю после свадьбы. Притом что была она на редкость некрасивой, не чета Валерии.

Правда, в Питере, насколько Дмитрий понял, в моде все еще оставался другой тип «красоты», согласно которой женщина должна представлять худощавой, безгрудой, болезненно бледнолицей; при щедро напудренных щеках и столь же вызывающе накрашенных губках, а еще – при жеманной походке и высоких, по-цыплячь заостренных плечиках.

Особенно резко этот «девичий фасон» бросался в облике заводских – в недалеком прошлом почти сплошь деревенских – работниц. В желании как можно больше походить на коренных ленинградок, эти женщины пытались вытравливать из своего внешнего вида и поведения все, что способно было указывать на их вчерашнее положение и вчерашние представления о женском поведении и красоте.

На первый взгляд, предыдущие встречи с Валерией могли показаться случайными. Вот только верить в случайность трех встреч подряд Гродов отказывался. Если же это все-таки случайность, говорил он себе, то какая-то слишком уж предначертанная, почти роковая. И жалел, что единственной его ценной добычей в ходе этих встреч стало имя девушки, знание которого само по себе никаких шансов Дмитрию не давало.

«Значит, долго в обороне засиживаемся, – вспомнились Дмитрию слова берегового полковника Горлова, молвленные с высоты иного житейского опыта. – Тактические просчеты сказываются, командир». Наверное, полковник прав, но только в принципе, если не учитывать при этом, как мало отведено было ему, Дмитрию, времени; а также упрямство и замкнутость женщины, и прочие жестокие реалии.

А еще Гродов тут же вспомнил о фотографии Валерии, выложенной перед ним подполковником Бекетовым. Вот он, спасительный ход поиска! Правда, было видно, что снимок сделан прямо на улице, шпионским методом, однако не может быть, чтобы старый контрразведчик не заинтересовался этой женщиной более основательно. Возможно, как раз сейчас кто-то из его подчиненных углубленно выясняет, кто она такая и что там скрывается за графами ее «личного дела».

Капитану неприятно было осознавать, что своим появлением в жизни Валерии он привлек к ней внимание контрразведки и вообще, «органов», поскольку знал, чем это может обернуться для нее. Но понимал и то, что изменить уже ничего нельзя. У него еще оставалось в запасе две недели, чтобы самому попытаться обнаружить следы этой незнакомки или, в крайнем случае, обратиться за сугубо мужской помощью к Бекетову. Причем прибегнуть к этому, несмотря на строгий уговор: женщин в их «сугубо мужскую историю не впутывать».

При этой мысли Гродов еще раз внимательно осмотрелся, пытаясь выяснить, следит ли сейчас за ним кто-нибудь из людей Бекетова. Вроде бы никого из праздно любопытствующих в зоне видимости не наблюдалось, тем не менее капитан приказал себе: «С этого дня начинать чувствовать себя контрразведчиком. Учись все видеть, запоминать, постоянно оставаться настороже».

Увы, это пока что было все, о чем он способен был напомнить себе из контрразведывательного арсенала, но все же... Главное – почувствовать, что отныне ты должен вести иной способ жизни, да и саму жизнь свою выстраивать по-иному, особому, способу мышления. Именно так, особому способу мышления.

Вернувшись с попутным автобусом к «матросскому форту», Гродов немного пообщался с праздношатающимися однокурсниками, а затем, испросив разрешения у дежурного, взял шлюпку и отправился на эсминце «Штормовой».

Остаток дня он провел в окружении пятнадцати моряков во главе с лейтенантом Охотным, составлявших теперь команду этого списанного из разряда строевых учебного корабля.

Капитан давно вынашивал мысль побывать на каком-нибудь военном судне, чтобы спокойно, обстоятельно изучить его оружейную оснастку и само строение. Да, в свое время их курсантская группа трижды побывала на стоявших в севастопольской военной гавани судах, но всякий раз эти походы превращались в групповые экскурсии.

– Что, товарищ капитан, все-таки душа «береговика» всегда тянется к морю? – озорно поинтересовался командир «Штормового» – худой, болезненного вида офицер, явно засидевшийся в лейтенантах.

– К кораблям. Так будет точнее.

– Любовь к морю всегда приходит через любовь к кораблям, по-иному не бывает. – Они стояли у башни, орудие которой было зачехлено, и смотрели в серый просвет между двумя скалами, венчающими уходящую далеко в море косу.

– На ваш борт, лейтенант, меня привела не любовь к кораблям.

– Странное заявление. Что же тогда? Убиение тоски в поисках романтики?

– Насколько я понимаю, вы – кадровый морской командир.

– Самый что ни на есть. Начинать с юнги, до первого офицерского звания, младшего лейтенанта, дошел без училища, исключительно по службе.

– Так вот, дело в том, что всякого моряка с первых шагов обучают тому, как при любых штормах и обстрелах удержать военный корабль на плаву, а меня, офицера береговой обороны, с первых дней учебы и службы обучали тому, как быстро и беспощадно пускать ваши военные корабли на дно. За этим – иное восприятие корабля, иная психология. Даже вступая в поединок с вражескими кораблями, вы все равно заботитесь о том, как бы спасти свой. Словом, разницы не улавливаете, лейтенант?

Достаточно было Гродову взглянуть на выражение лица командира эсминца, чтобы понять, что до сих пор над подобными тонкостями психологической подготовки лейтенант не задумывался. Воспользовавшись его замешательством, Дмитрий потребовал:

– А теперь покажите мне все вооружение, все нутро своего корабля. Каждый отсек, каждую огневую точку желаю увидеть, оценить, собственными руками пощупать.

– Вообще-то, по командирскому праву, таких «топильщиков», как вы, с корабля следовало бы гнать, – проворчал Охотов, – чтобы не гневил Посейдона и прочих покровителей моряков.

– Только не с вашего судна, лейтенант, которому в море уже ничего не угрожает. Да и само море ему уже тоже не «угрожает».

Несмотря на стычку с курсантом, командир эсминца все же основательно ознакомил его со всеми «внутренностями» корабля и даже объяснил, какие попадания оказались бы для него смертельно опасными. С его стороны это выглядело благородно. Окончательное же примирение ждало их в кают-компании, в виде традиционных макарон по-флотски и порции разведенного спирта, от которого Гродов, чтя устав, вежливо отказался, охотно сменив его на кружку компота.

Но как раз в то время, когда у них с лейтенантом начал завязываться дружеский разговор, появился дежурный старшина и доложил, что с караульной вышки флажками просемафорили: «Капитану Гродову срочно явиться в канцелярию курсов».

– Вот так всегда: только-только разговоришься с хорошим человеком... – посетовал командир эсминца.

– Знать бы еще, кому и зачем я понадобился в канцелярии сегодня, в отпускной день, – поддержал его капитан.

У штабного здания его ждали открытая грузовая машина с немногословным старшим лейтенантом в кабине. Объявив капитану, что подполковник Бекетов ждет его на полевого аэродроме, гонец предложил Гродову сесть в кузов, где уже сидели четверо курсантов из группы комсостава парашютно-десантных войск, и машина тут же сорвалась с места.

– Ты хоть с парашютом когда-нибудь прыгал, капитан береговой службы? – сразу же поинтересовался старший по званию среди воздушных десантников, упитанный плечистый майор с усами «под Буденного» и стрижкой «под Котовского».

– Никогда, – с отчаянной откровенностью заверил его Гродов. – Все, что угодно, только не парашют.

Остальные десантники, – два капитана и старший лейтенант, – возлежавшие на каком-то огромном тюке, уложенном посреди кузова, снисходительно улынулись, а майор даже позволил себе покровительственно похлопать артиллериста по плечу.

– Значит, представится возможность, – с вежливой угрозой в голосе уведомил он, назвавшись перед этим Вороновым.

– Так, может, меня случайно к вашей десантной группе пристегнули? – с надеждой взглянул на него Гродов, представляя себе, в какую потеху может превратиться его первая попытка разобраться с парашютом.

– К подполковнику Бекетову зря не пристегивают, – с неприкрытой иронией «обнадежил» его майор, сидевший на бортовой лавке напротив Дмитрия. – По себе знаю, ведь из училища меня выпустили интендантом.

– Но Бекетов любит подсылать своих гонцов на всевозможные спортивные соревнования, – просветил Гродова рыжеволосый капитан со шрамом на лбу, дотягивавшемся до самого виска, – на одном из которых они и заметили, как будущий комбат десантников трехпудовой гирей крестится и мух отгоняет.

– И с тех пор, – завершил его рассказ майор, – вся жизнь моя: шашки наголо и – по тылам врага.

– Да ты по земле заранее не тоскуй, – успокоил его увенчанный шрамом капитан. – С парашютом разобраться поможем, из самолета выбросим. У нас это называется: «благословить пинком».

– Почему вдруг «пинком»? – окрылся Гродов.

Десантники переглянулись и все с той же, сугубо профессиональной, снисходительностью рассмеялись.

– В первый раз все почему-то долго и неохотно решаются: выбрасываться за борт или не стоит?

– Правда, некоторые вдруг становятся особо задумчивыми, – тут же заложил его комбат. – Капитан Рыкун по себе это знает.

– Не более задумчивым оказался, чем другие, – огрызнулся капитан.

– Справедливости ради следует сказать, – слегка заикаясь, заступился за него старший лейтенант, – что во время первого прыжка отчаянных парашютистов вообще выискивается мало. Поэтому всегда надежнее, когда рядом находится кто-то, кто по-дружески, а главное, вовремя даст тебе под зад.

– Достаточно, – утомил их артиллерист, – тактика посвящения в десантники мне понятна. За советы по поводу обращения с парашютом и технике прыжков буду признателен. Однако решил обойтись без «благословенного пинка».

– Смотри, проследим, – пригрозил майор.

Тем временем машина уходила все дальше и дальше от залива, углубляясь в сосновый лес, где песчаные дюны перемежались с болотистыми низинами и небольшими озерами, вода в которых отливала какой-то странной для южанина чернотой.

Десантники все еще весело общались между собой, однако Дмитрий старался не вмешиваться в их разговор, а заинтригованно присматривался ко всему тому, что открывалось ему с борта машины. В какое-то мгновение капитан вдруг осознал, что уже чувствует себя десанником, заброшенным в тыл врага, на совершенно незнакомую территорию. Он старался запоминать дорогу, названия небольших сел, которые они проезжали, какие-то особые приметы

местности. Конечно же, это было игрой воображения, но слишком уж азартно капитан береговой службы предавался ей.

– Вам уже приходилось бывать на том аэродроме, к которому нас везут? – спросил он майора.

– Никогда.

– Если я правильно понял, ваша парашютно-десантная часть подчинена флоту?

– Своего рода воздушная морская пехота. Высаживаться на островах и вблизи вражеских морских баз с целью захвата и диверсий; усиливать плацдармы, захваченные морской пехотой. Рассматриваются и кое-какие варианты абордажных боев. Так что ты, артиллерийский капитан береговой службы, подумай, в тех ли частях служишь, в которых способен. И способен ли служить там, где служим мы.

– Судя по всему, подполковник Бекетов задается тем же вопросом.

8

Агент Крамольников, очевидно, только потому и явился к бригадефюреру в естественном для себя мундире – поручика белой армии, что не хотел раздражать его каким-либо другим «маскарадным» одеянием. У него уже давно был чин обер-лейтенанта вермахта, но он принципиально отдавал предпочтение русскому мундиру – в этом просматривалась и дань ностальгии и своеобразный вызов германцам, которых недолюбливал еще больше, чем румын, не говоря уже о своих красных соплеменниках.

– Вы так и разгуливали по Одессе в своем белогвардейском мундире? – иронично осведомился барон вместо приветствия.

– Вообще-то, как и было условлено, в Сулину мой мундир привез денщик, который ждал там моего возвращения, – тоже с ухмылкой ответил поручик. – Однако мысль такая – ворваться в Одессу в мундире с аксельбантами – возникала, чего уж тут...

Худощавое, еще не подернутое тленом старения лицо его источало такое аристократическое благородство, каким вряд ли могли похвастаться представители самых высокородных европейских родов. Другое дело, что для рафинированного аристократа он был слишком плечист и широк в кости, слишком уж повевало от него грубой ломовой силой.

– Однако же пришлось врываться в мундире красного офицера?

– Разве красные знают, что такое мундир? То, в чем они щеголяют, тыловое позорище в обмотках. А вот то, что я люблю рискованно играть и перевоплощаться, это факт.

– Слышал, вам помогает театральная богема, в которую вы стали вхожи благодаря своей матушке.

– Хозяйка явочной квартиры – давнишняя подруга моей матери, несостоявшаяся киноактриса, поклонница Веры Холодной, которая, в конечном итоге, стала талантливым театральным костюмером.

– Хотите сказать, что она не догадывается, кто вы?

– Единственное, в чем она не сомневается, так это в том, что коммунистов я ненавижу точно так же, как она.

– Но для нее ведь не было тайной, что вы служили у белых?

Обычно бригадефюрер мало интересовался подробностями выживания агентов во время их пребывания в России, но справедливо считал, что Крамольников – случай особый. Тем более что, интересуясь подробностями «непотопляемости» Лицедея, барон в то же время пытался еще раз проверить его на правдивость информации о себе. Вдруг появится какая-то несогласованность с теми данными, которыми он отбивался от натиска следователей СД и гестапо?

– Я служил там под именем и фамилией своего отчима, Петра Раздорова. Поэтому юный Петр Крамольников, около месяца трудившийся по заданию белой разведки санитаром в изрубленном затем «белобандитами» тыловом госпитале красных, – о чем имеется подлинный документ, заверенный главврачом за две минуты до его гибели, – перед советской властью ангельски «чист». Документы тридцатых годов у меня тоже настоящие: с реальными печатями и настоящими фотографиями.

– Факт, который порождает не только любопытство, но и подозрение, – мрачно прокомментировал барон.

– И тем не менее перед вами – работник сцены провинциального передвижного агиттеатра Петр Крамольников, изредка выступавший с агитчастушками под сценическим псевдонимом «Петр Лицедей».

– Документ тоже подписан директором театра за две минуты до того, как вы его пристрелили? – едва заметно осклабился барон.

– Я действительно числился там работником сцены во время первого своего рейда в Совдепию, совершенного уже отсюда, из-за рубежа. Возвращаясь за рубеж, оставил после себя одного проворовавшегося типа, который продолжал гастролировать в составе этого театра по глубинным селам под тем же псевдонимом, вплоть до моего следующего рейда. Запуганный мною директор, не ведавший о моей истинной профессии, согласился на такой ход. А вот после моего возвращения двойник-лицедей действительно бесследно исчез. Что было, то было.

– Причем всякий раз вы останавливались у вашей знакомой костюмерши, – заглянул барон в свои записи, – Елизаветы Волковой? Представая в роли ее ветреного ухажера?

– Тоже правильная информация.

– Почему же вы решаетесь вновь и вновь возвращаться на эту явку?

– Во-первых, вынужден уточнить, что квартира этой женщины моей официальной явкой никогда не была. А во-вторых, зачем менять насиженные гнезда? Что же касается одеяний, то какие-то костюмы и мундиры она сумела «списать» с мест бывлой службы, какие-то пошила за мои деньги, якобы для коллектива художественной самодеятельности. Так что щеголяем-с, господин бригадефюрер, щеголяем-с...

– И в чем предпочитаете щеголять?

– То в форме офицера милиции, то в облике провинциального актера – в заношенном жилете и потрепанном сюртуке, желающего испытать свою судьбу на Одесской киностудии или же возвращающегося на судно основательно подвыпившего румынского моряка, завладевшего документами того, настоящего бродяги, которого мертвецки напоили и «усыпили» в одном из подпольных притонов. Без лишнего куража скажу, что до меня по Одессе и Кишиневу так нагло разгуливал только один человек – известный бандит-экспроприатор, он же впоследствии легендарный красный командир Григорий Котовский.

Бригадефюрер достаточно хорошо ознакомился с историей Бессарабии и юга Украины, чтобы не уточнять, кто такой Котовский или Миша Япончик. Что же касается зарубежных походов поручика Крамольникова, то фон Гравс нисколько не сомневался, что он действительно «щеголяет». Для него не было тайной, что, оправдывая свой псевдоним, Лицедей слышет прекрасным актером, истинным гением шпионских перевоплощений. Другое дело, какой практический эффект от этих рейдов? Не пора ли превратить эти лихаческие рейды в тыл врага из агентурных авантур в полноценные разведывательно-диверсионные операции?

Познавший от своей матери, гримера из провинциального Херсонского драматического театра, основы ее искусства Петр Крамольников, чье детство, по существу, прошло за театральными кулисами, обладал талантом подражания – в речи, ходьбе, манере поведения любого однажды увиденного перед собой человека. Не исключено, что в этом разведчике действительно умирал очень одаренный лицедей. В шестнадцать лет он уже служил в белогвардейской разведке, там же окончил ускоренный курс военного училища и в восемнадцать уже стал подпоручиком разведки генерала Врангеля.

Именно в разведке Крамольников, судя по его послужному списку, и проявил свой артистический талант, представая перед местными коммунистами то в роли командированного из Питера сотрудника красной контрразведки, то в роли долечивающегося после госпиталя красного командира, для разнообразия облачающегося в лохмотья странствующего сумасшедшего.

Затем была учеба в ускоренной «белой» разведшколе в Болгарии, на территории которой оказалась значительная часть интернированных врангелевских войск, и наконец, полноценная диверсионная школа в рейхе, после которой Крамольников был переброшен сюда, в Румынию, в распоряжение разведотдела «СД-Валахии».

«Семь рейдов по тылам красных – и ни одного провала, ни одного намека на провал, при полном выполнении заданий!» – так идилично завершалась рекомендательная характеристика, с которой Лицедей впервые предстал перед бригадефюрером СС в Бухаресте.

Вот и сейчас барон извлек его «дело» из бронированного, еще в адмиральские времена хорошо замаскированного сейфа, чтобы прочесть: «После завершения Гражданской войны в России дважды выполнял на ее территории задание германской разведки. Обладает способностью к перевоплощениям и к познанию языков. Владеет германским, французским, русским, украинским и частично молдавским (румынским) языками. Физически сильный, выносливый, характер устойчивый. Окончил краткосрочные курсы снайперов и санитарных инструкторов. Прекрасно владеет холодным оружием. Постоянно совершенствует навыки рукопашного боя. В опасных ситуациях бравирует склонностью к излишнему риску. Храбр и вызывающе дерзок».

Барон был не уверен, что у германской разведки найдется еще хотя бы два-три разведчика, которым его руководители решатся давать подобные характеристики. Очевидно, этот русский в самом деле чего-то стоил, если ему даруют такие определения, каждое из которых сделало бы честь любому строевому солдату.

«Работать предпочитает в одиночку, – вновь предался чтению бригадефюрер. – Крайне недоверчив по отношению к любому, кто в тылу противника выходит с ним на связь, и при малейшем подозрении склонен избавляться от таких агентов и сочувствующих.

Недостатки: фаталист, склонен к излишнему риску и позерству; предельно жесток при ведении допросов и вообще в обращении с врагами; при ликвидации врагов пытается всячески затягивать их мучения».

«Это какой «гуманист от разведки» решил причислять подобные качества разведчика и диверсанта к недостаткам?! – изумился фон Гравс, прочтя эти строчки. – Он, видите ли, «предельно жесток... в обращении с врагами»! Нежности, видите ли, нашему агенту Лицедею не хватает во время допросов и ликвидации противника! Если кто-то там, в разведке, и склонен причислять подобные наблюдения к «аналитической психологии», то слишком уж они напоминают психопатию».

Так что... хотел бы он, фюрер Валахии, видеть сейчас перед собой составителя этой характеристики. А еще трогательнее было бы встречать его после очередной операции в предельно напичканной чекистами и доносчиками Советской России.

Зато последнее предложение этого насквозь гуманистического документа заставило барона умерить свой гнев и немного поразмыслить. Причем в данном случае речь шла уже не о сопоставлении характера агента с общечеловеческими воззрениями; а скорее – о проявлении сугубо мужской философии.

«Во время выполнения заданий, – молвилось в рекомендательном письме начальнику «СД-Валахии» – страстно, хотя и на очень короткое время, увлекается женщинами, которых затем предпочитает безжалостно убирать».

«Так, может быть, – задался вопросом барон, – агент Крамольников именно потому и не познал ни одного провала, что работать предпочитает в одиночку и при малейшем подозрении избавляется от всякого, кто способен предать его? А что касается женщин... Счастливый человек: он обладает такой завидной возможностью – относиться к использованным женщинам, как к отработанному материалу, безжалостно убирая их со своего жизненного пути! К тому же у него хватает для этого силы воли и здравомыслия!».

Единственное, что никак не явствовало из этого документа, – умеет ли он профессионально использовать этих женщин во время выполнения задания. И это уже относилось не к праздному любопытству.

– В составленном на вас досье говорится, что обычно вы очень жестко избавляетесь от женщин, которые с вами сотрудничают. Однако Волковой это почему-то не касается? Вы способны каким-то образом, кроме банальной влюбленности, объяснить это?

– Интересуетесь, почему это не касается моей «Волчицы»? Да потому что нескольких женщин, из так называемых «компартийных», убрала она сама. Меткий, хладнокровный стре-

лок, Елизавета всегда готова пустить в ход оружие, причем делает это исключительно по идейным соображениям.

– В таком случае многое проясняется, – признал бригадефюрер. – Не все, но многое.

9

Лишь после часового движения по едва приметной лесной дороге, когда они пробились к какой-то поросшей кустарником и редколесьем равнине, старший лейтенант вышел из кабины и негромко, словно они уже находились в тылу врага, уведомил их:

– Прибыли, товарищи командиры. Мы находимся на секретном полевом аэродроме. Обо всем, что вы здесь увидите, надлежит тотчас же забыть.

– «Не видеть и забыть» – нам не впервой, так что давно приучены, – ответил кто-то из спутников Гродова.

Осмотрев с высоты кузова рощицу усохших деревьев, за которой виднелась гряда небольших холмов, Гродов воспринял его слова, как нелепую шутку. Однако не успел он съязвить по этому поводу, как откуда-то со стороны холмов донеслась мощная, пронзительная трель «тревожного» казарменного электрозвонка. В ту же минуту стенки сразу двух холмов отошли в сторону, и из чрева возвышенности выехали два небольших колесных бульдозера и дорожный каток, вслед за которыми на волю вырвалось около батальона солдат. В том, как быстро и несуетно бойцы занимали отведенные им позиции и огневые точки, готовясь к «отражению атаки вражеского десанта», улавливалась жесткая вышколенность. Сразу чувствовалось, что заставить врасплох этих парней будет трудно.

– Что они вытворяют! – пробубнил поднявшийся рядом с Гродовым майор. – Такого – в виде тайных ангаров – даже мне, праведнику, видеть не приходилось.

– Хотите сказать, что вы здесь тоже впервые?

– Готовят не только вас, капитан. Получается, что и нас, служивых, – тоже.

Ну, а дальше стало происходить то, чего капитан никак не ожидал: насадные маскировочные деревья и кусты в мгновение ока были снесены за пределы равнины, образуя огромную лесную поляну. Под ножами легких бульдозеров миру явились сразу две взлетно-посадочные полосы, одна из которых оказалась бетонной, другая, покрытая какой-то прорезиновой маскировочной тканью, – грунтовой. Причем обе они были соединены поперечной бетонной полосой, достаточно широкой для того, чтобы самолеты могли разворачиваться и ждать своей очереди на очередной полет.

Увлечшись созерцанием того, как на взлетные полосы стали заползать скрывавшиеся в ангарах-холмах самолеты, капитан береговой службы упустил момент, когда оба пригорка, между которыми остановилась их машина, превратились в своеобразные, хорошо замаскированные бункеры. И как оттуда, подгоняемые решительным басистым голосом, стали выбираться солдаты, навьюченные какими-то мешками, по внешнему виду которых нетрудно было догадаться, что в этих «сумах» притаились парашюты.

Едва они наполнили чрева двух самолетов, как над аэродромом появился еще один самолет, значительно больший по размерам, чем предыдущие. Наблюдая за тем, как, позволив самолетам с десантниками уйти за пределы аэродрома, «новичок» заходит на посадку, Гродов дал себе слово засесть за изучение типов летательных машин. Однако обладателя басистого хрипловатого голоса этот его мысленный завет не растрогал:

– Какого дьявола застыли там, в кузове, вояки Тутанхамона двенадцатого?! – прокричал он. – Весь аэродром тушами своими демаскируете?! Мигом спешились и сняли с машины маскировочные сети! Кто тут из вас старший по чину?

– Я, майор Воронов, – представился попутчик Гродова. – Прибыл по приказу...

– Да плевать, по чьему ты приказу прибыл, майор. Я – полковник Мытищин, начальник этого аэродрома, а посему приказываю: сети разгрузить, получить парашюты и готовиться к посадке в самолет. Не видишь, что ли, отрабатываются нормативы на приведение аэродрома в полную боевую готовность. А ты со своими «тутанхамоновцами» все учение портишь.

Только тогда десантники сгрузили тюки и, получив из рук вновь объявившегося «кабинного» старшего лейтенанта маскировочные халаты, занялись парашютами. Пока подполковник Бекетов, прибывший на только что приземлившемся самолете, приблизился к ним, десантники уже объяснили Гродову, как следует надевать основной и запасной парашюты, показали, за какие кольца дергать и как правильно приземляться, чтобы «сохранить в целости ноги и всю прочую мужскую красоту».

– Так это, оказывается, ваши поднебесники, товарищ подполковник? Неплохие парни, с парашютами быстро разобрались. – Хотя Бекетов и был младшим по званию, тем не менее начальник аэродрома говорил с ним, явно заискивая. – Можно объявлять погрузку в самолет?

– Объявим, полковник, не торопись. Считай, что в нормативы твои аэродромники уложились, с маскировкой тоже неплохо. Утречком мы над твоим «Лесным-2» специально пролетали: никаких демаскирующих признаков.

– Так ведь получается, что третий полевой аэродром из ничего создаю, – остался доволен Мытищин похвалой контрразведчика.

– Неужели третий? Так ты у нас, получается, великий спец по полевым аэродромам?

– ...Которые не так трудно построить, как потом тщательнейшим образом замаскировать. Как вот этот. Коль уж вы не нашли, германцы – тем более не найдут.

– Если только не окажется, что он уже давно обозначен на картах всех командиров германских эскадрилий, – осадил его Бекетов.

– Быть такого не может! – возмутился полковник, которого Гродов так и называл теперь «Тутанхамоном». – Откуда ему взяться на германских картах?

– Вот об этом тебя, начальник аэродрома, со временем и спросят «где надо», – окончательно сбил с него спесь подполковник Бекетов. – Поэтому бди, денно и нощно бди...

Уже облаченный в маскхалат и обвешанный парашютами, Гродов ждал, что контрразведчик обратит на него внимание и даже извинится за недоразумение, однако подполковник делал вид, что вообще не замечает его присутствия. Хотя, понятное дело, заметил. А значит, никакого недоразумения не произошло. Мало того, пока десантники проверяли экипировку друг друга и еще раз инструктировали новичка, подполковника позвали к рации, находившейся в прекрасно замаскированном командном бункере Тутанхамона. Оттуда Бекетов вышел явно взволнованным.

– Стучилось нечто непредвиденное, – сказал он, прохаживаясь перед небольшим строем офицеров-десантников. – Как вы уже поняли, вас доставили сюда для участия в учении. Но только что сообщили, что в пятидесяти километрах отсюда, в лесу, обнаружена небольшая разведывательно-диверсионная группа, скорее всего германо-финская по своему составу. Вам известно, что в последнее время на протяжении почти всей европейской границы страны ситуация остается напряженной. Прежде всего, отмечено резкое увеличение количества забросок различных разведывательно-диверсионных, а также подрывных антисоветских групп.

– Еще как наслышаны! – ответил за всех майор.

– Так вот, с одной из таких групп нам и предстоит сегодня столкнуться. Причем подчеркиваю, что операция перестает быть учебной. Я доходчиво объяснил, капитан береговой службы? – наконец-то обратился он прямо к Гродову.

– Будем по-прежнему считать ее учебной, но по условиям своим максимально приближенной к боевой.

– Идеальное определение, капитан, идеальное. Так и действуйте: учаь, воюйте, а воюя, учитесь. Автоматы, пистолеты и по три гранаты на брата получите уже в чреве самолета. Сейчас солдатики их туда поднесут. Все документы сдадите старшему лейтенанту, который доставлял вас сюда на машине, – указал он на державшегося чуть в сторонке офицера. – Количественный состав диверсионной группы нам не известен. Но при любых условиях хотя бы один диверсант

обязательно должен попасть к вам в руки живьем, поскольку живые они оказываются более разговорчивыми.

– ...По какой-то дикой странности, – прокомментировал Гродов.

– Лучше всего, если этим пленником станет радист.

– Так мы что, будем брать теперь группу диверсантов одни? – поинтересовался капитан Рыкун. – Ведь два самолета с десантниками уже давно в небе, у них другая цель.

– Вы правы: они в воздухе. Каким вам видится решение?

– Пока не знаю, да и не мне решать-переигрывать.

– Тоже мне вояки Тутанхамона двенадцатого, – недовольно покачал головой начальник аэродрома. Хотя и не понятно было, против кого именно направлено это замечание: против десантников или тех, кто готовил учения?

– А вы, капитан береговой службы, что скажете? – поинтересовался подполковник.

– Уверен, что с пилотами обеих машин уже связались по рации, а значит, нацелили их на район предполагаемой высадки вражеского десанта, – ответил Гродов.

– Естественно, артиллерист, естественно, – мрачно ухмыльнулся Бекетов. – Только почему же «предполагаемой»? Увы, уже вполне реальной.

– Сужу по тому, что «вводная» у вас получилась какая-то неуверенная и маловероятная, – не стал темнить Гродов.

– Может, потому, что откорректирована жизнью, – проворчал Бекетов. – Впрочем, должен заметить: на курсах и в училищах могут научить чему угодно, вот только мыслить нужно самостоятельно ввиду секретности самого процесса.

– Разве что – «ввиду секретности», – иронично согласился капитан, однако контрразведчика не так-то просто было выбить из седла.

– Кажется, ты это уловил, курсант. А пока что, – снова обратился он ко всем офицерам, – старшим назначаю майора Воронова. Вот вам карта, майор; место высадки на ней отмечено красным карандашом. На местности вас уже будут ждать бойцы подполковника Савельева. Сразу же после приземления радист должен связаться со мной. Как это сделать, он знает. Вопросы? Нет вопросов. Все – к машине и в воздух! В самолете к вам присоединятся радист и два автоматчика прикрытия.

Когда люк открылся и последовала команда: «Все – вниз!», Гродов тут же вспомнил притчу о «благотворительном десантном пинке», но все же нашел в себе мужество шагнуть в поднебесную неизвестность. Он прыгнул третьим, вслед за майором и капитаном Рыкуном. Вместе с другим капитаном, Сергеевым, который прыгал после артиллериста, Рыкун брался подстраховывать его в воздухе. И хотя Гродов понятия не имел, как они намеревались это сделать, но объяснения обоих капитанов воспринял как нечто обнадеживающее.

Приземлился он, правда, не совсем удачно, поскольку парашют довольно долго тащил его вдоль опушки леса, заставив несколько раз перекувыркнуться, тем не менее все десантники признали, что на первый случай, да к тому же для артиллериста, совсем неплохо. Очевидно, по их представлениям, пушкари особой смекалкой никогда не отличались.

Минут через десять вся группа уже была в сборе, однако никаких следов того, что в этом районе приземлились десятки других десантников, не обнаруживалось. Радист тут же развернул рацию. Майор доложил об успешном десантировании и о том, что группы Савельева поблизости нет, и попросил дальнейших указаний.

И вот тут-то ответ Бекетова его озадачил. Тот уведомил Воронова, что группа была высажена ошибочно, потому что, как оказалось, в том районе вражеские диверсанты были обнаружены вчера, а сегодня они уже засветились в другой местности. Поэтому майору предписывалось: парашюты уложить и совершить со своими людьми марш-бросок на пять километров строго на запад, в район старой водяной мельницы, где их будет ждать тот же самолет, с которого они десантировались. На борту им выдадут новые, старательно уложенные парашюты.

– Ну, как же можно десантировать группу, не проверив, насколько правдивыми являются сведения о вражеских диверсантах?! – взвился старший лейтенант Грызлов.

– Моли Бога, что тебя высадили «не в том районе» на своей территории, – возразил Рыкун. – А ведь на войне всякое может случиться.

– Считайте, что мы уже на войне, – осадил их обоих майор. – Разговоры прекратить. Слушать и выполнять, не обсуждая.

Бекетову легко было направлять их «строго на запад», глядя на расстеленную перед собой карту. В реальности же местность оказалась до предела пересеченной: глубокие овраги, какие-то поросшие терновником руины, болотистые перелески... Так и напрашивалась на ум старая солдатская поговорка: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги!».

– Вам не кажется, майор, что в данном случае подполковник Бекетов что-то темнит? – улучив момент, вполголоса спросил Гродов, когда на горизонте, по ту сторону равнины, уже показалось высокое здание, которое вполне могло служить мельницей. Они вдвоем бежали первыми, за ними цепочкой продвигались старший лейтенант, капитаны Рыкун и Сергеев.

– Что значит «темнит»? Просто так складывается обстановка. И потом, он ведь использовал те данные, которые получил из штаба.

– У меня создается впечатление, что ниоткуда он их не получал.

– Хочешь сказать, что это всего лишь учебное десантирование по заранее заготовленной легенде?

– Именно это и хочу сказать.

– Бездоказательно, капитан. И вообще, второе десантирование покажет.

Самолет появился из-за леса, развернулся над головами десантников и, помахав крыльями, тоже пошел строго на запад, прокладывая для них курс движения.

– И все же я уверен, что второго десантирования не последует, – окончательно ударился в предсказания Гродов.

– То есть как это «не последует»? Ты что, капитан, считаешь, что нас держат за идиотов?

– Как только мы погрузимся в самолет, поступит радиogramма о том, что вражеские диверсанты уже сдались сотрудникам НКВД и нам приказано вернуться на базу.

– Даже мысли такой не допускаю, – решительно повертел головой майор. – Тут все-таки армия, а не игра в жмурки.

– Порой мне кажется, что настоящая армия именно с этого, с игры в жмурки, и начинается, – парировал Дмитрий. – Но приказ мы, несомненно, выполним. Каким бы он ни был.

– С этого-то и следовало начинать.

Самолет сделал круг над зданием, которое они определили как водокачку и, приняв влево, исчез за рощицей.

– Как бы нам из-за этих штабных «тутанхамонов» не пришлось еще и вплавь форсировать реку, – вновь подал голос старший лейтенант.

– При чем здесь река? – едва выговорил Сергеев, который давно выбил из ритма свое явно «прокуренное» дыхание.

– Так ведь речь идет о водяной мельнице.

– Знатное будет купание, – передернул плечами Рыкун. – Неужели подполковник и к этому прибегнет?

10

Молчание, которым бригадефюрер СС фон Гравс «облагородил» их беседу, длилось ровно столько, сколько понадобилось, чтобы поручик Крамольников мог понять: тема исчерпана, а значит, еще одну проверку на преданность идее и рейху он прошел.

– Я не принадлежу к тем служащим СД, которые страдают излишней подозрительностью, – молвил барон, только теперь предлагая Крамольникову присесть к столу. – Именно поэтому вы сегодня же будете представлены к повышению в чине и к Железному кресту.

Крамольников встал, без какого-либо подобострастия проговорил подобающие в таких случаях слова и, повинаясь жесту фюрера «СД-Валахии», снова опустился в кресло. Он понимал, что при всей своей щедрости Гравс пригласил его не для того, чтобы раздавать чины и награды, поэтому вновь принялся напряженно сверлить его цепким, пронизывающим взглядом.

– Уверен, вы уже поняли, что на сей раз вас ожидает более длительный и напряженный рейд в Совдепию.

– Я сам избрал эту профессию, – невозмутимо, со снисходительной усталостью в голосе, ответил поручик.

Несмотря на то, что перед ним сидел генерал-майор войск СС, агент Лицедей позволял себе вальяжность истинного, знающего себе цену профессионала и дворянина. И если барон старался не замечать этого, то лишь потому, что и сам видел в Крамольникове рискованного, не раз проверенного агента. Много ли найдется сейчас таких бойцов у Гейдриха или Канариса?

– Всего лишь хотел предупредить, что на сей раз ставки обещают быть значительно выше, чем когда бы то ни было. Вам и в самом деле придется основательно «полицействовать», обер-лейтенант.

– Судя по тому, какие массы войск перебрасываются к границе, а также по тому, что на палубах гражданских судов стали появляться спаренные зенитные пулеметы, нетрудно предположить: дело явно идет к войне. И поскольку долго, а тем более – бесцельно, держать такое количество солдат в придунайских болотах никто не решится, то... – многозначительно вскинул брови агент.

– Их и не собираются томить здесь слишком долго, – отрубил бригадефюрер.

– Так, может, пора отказываться от рейдов и приступить к созданию подпольной организации?

– Белогвардейской, разведывательно-террористической, естественно?..

– Эта мысль посещала меня уже не раз, господин бригадефюрер. Тем более что в последнее время Волчица стремится превратить свою квартиру – кстати, с двумя черными ходами – в некий аристократический салон мадам Волковой, в котором удобно заводить знакомства и налаживать связи.

– Классический пример использования подпольной квартиры в виде места для легальных общественных собраний. Прислушайтесь наконец к совету коммунистов, господин поручик белой гвардии – начинайте учиться у Ленина, как следует организовывать подполье и делать революцию. Тем более что делал ее ваш коллега Ильич, будучи платным агентом все той же германской разведки и за ее деньги, – самодовольно улыбнулся барон фон Гравс.

– Оказывается, мы с Лениным еще и коллеги! Какая взрывоопасная неожиданность! Так вы действительно намерены создать в Одессе подпольную организацию? – тут же решил поручик вернуть их разговор в деловое русло, так и не поверив в искренность намерений фюрера «СД-Валахии».

– Только по-настоящему действующую организацию, которая бы пригодилась нам и после освобождения Причерноморского края от коммунистов.

– Насколько мне известно, абвер и СД давно отказались от создания подпольных организаций в Совдепии. Учили опыт всех тех провалов, через которые в свое время прошло белое подполье. Хотя база у него была значительно шире, чем у германских разведслужб.

– Однако наше вторжение в Польшу показало, что диверсионные группы способны деморализовать значительную часть прифронтовой полосы противника, существенно помогая таким образом наступающим войскам. Около двух десятков таких групп как раз и будет выброшено в ближайшие дни на валашском направлении, то есть на территорию Молдавии и Южной Украины. Вас мы тоже намерены перебросить в составе группы, – бригадефюрер немного поколебался и, вспомнив о капитане Штефане Олтяну, предположил: – Причем один может оказаться новичком, но весьма перспективным. Кроме того, в ваше распоряжение поступят двое агентов, которые уже укоренились в Одессе.

– Вот как, они «уже укоренились»? – иронически спросил Крамольников. Он не сомневался, что оба этих агента уже работают на советскую разведку. – Где же и в качестве кого, позвольте поинтересоваться, они «укоренились»? В качестве сотрудников НКВД и двойных агентов?

– Их основательно проверили и столь же основательно законсервировали до той поры, которая теперь как раз и наступила.

– Если до сих пор я сумел обходиться не только без арестов, но и без особых, провальных подозрений, то только потому, что никогда не пользовался старыми абверовскими явками и агентурой, какими бы проверенными и надежными ни представляли они в сознании абверовского руководства.

– Подробнее об этом рейде нас уведомит штандартенфюрер СС Кренц, – не стал фон Гравс ни вступать в полемику с Крамольниковым, ни заверять и успокаивать его, а сразу же взялся за телефонную трубку внутрикорабельной связи. – Впредь именно он будет определять цели и маршруты ваших рейдов, а значит, и саму вашу судьбу.

– Случилось так, что до сих пор я работал в основном на румынскую разведку.

– Только не убеждайте, что это вызывало у вас чувство гордости, – презрительно скривил губы фон Гравс.

– Как бы там ни было, а мы нормально ладили, – мрачно ответил Крамольников. – Так что моему будущему германскому руководству надо бы согласовать свои действия с нынешним румынским. Кстати, напомню, что вел меня подполковник сигуранцы Петреску.

– Тот самый, который легкомысленно расстался со своей прежней фамилией Петренко, – кивнул фон Гравс. – Бывший офицер украинской контрразведки времен Грушевского и гетмана Скоропадского.

– Но с какими-то молдавскими корнями, – подтвердил его сведения Крамольников.

– Нам это известно. Кроме всего прочего, в вашу задачу входило – выявлять людей, приверженных идее возрождения Великой Румынии. Так вот, Петреску считал, что агент Волчица будет заинтересована в выявлении таких лиц. Почему? Разве это каким-то образом соответствует ее русским националистическим взглядам? Судя по всему, госпожа Волкова по-прежнему остается приверженной Белому движению.

– Госпожа Волкова умудрилась дважды сменить фамилию, и «Волковой» стала благодаря фамилии своего второго мужа. Девичья же ее фамилия – Олтяну. Ее дед был крупным помещиком, чьи владения находились по обоим берегам пограничного Прута. Сама она прекрасно играет на гитаре и столь же задумчиво исполняет песни румынских цыган.

– Песни цыган, говорите? Согласен, они способны тронуть русские души ее слушателей. Да и германские, наверное, тоже, если бы только не принадлежали... цыганам.

– Но тогда это были бы другие песни, уже не цыганские, – романтически вздохнул поручик. – Зря вы так не любите цыган. Без их песен и плясок мир стал бы слишком постным.

– Уточняйте: русский мир, – процедил генерал СС. – Лично мне больше импонирует отношение к ним фюрера, который однажды мудро изрек, что истребление цыган – это не преступление, а... санитарная чистка общества! Вот-вот, всего лишь санитарная чистка общества. Кто способен убедить меня, что фюрер оказался не прав? Сколько будут существовать цыгане, столько будет актуальной и его мудрое наставление относительно них.

– Русскому человеку, особенно офицеру, дворянину, привыкшему проводить самые яркие часы своей бесшабашной жизни в ресторанах, под пляски цыган, согласиться с таким подходом идеологов рейха будет трудно.

– Не забываетесь, Крамольников, не забываетесь, – незло предупредил его фон Гравс. – Если все еще хотите оставаться союзником рейха, а не его врагом.

– Полагаю, что и союзники-то мы все же временные. Но оставим в покое идеологию. Вы внутренне напряглись, господин барон, когда я назвал девичью фамилию госпожи Волковой. Нет, показалось?

– Понимаю, что для румын фамилия Олтяну не столь уж и редкая, но все же странно: совсем недавно я познакомился с артиллерийским капитаном Олтяну, батарея которого располагается рядом с нашей стоянкой.

Бригадефюрер вопросительно взглянул на поручика, причем взгляд этот явно затянулся.

– И что же? – осторожно отреагировал поручик на это сообщение.

– Ваша Волчица ничего не говорила о своих родственниках в Румынии?

– В Совдепии связи с зарубежными родственниками жесточайше не поощряются. А что касается знакомого вам румынского капитана Олтяну, ее однофамильца... Подобные совпадения случаются крайне редко, но проверить надо.

Бригадефюрер сделал какую-то пометку в своем «еженедельнике» и некоторое время сосредоточенно барабанил пальцами по столу.

– Впрочем, это не так уж и важно, – подытожил он свои размышления. – Кстати, уведомлю вас, поручик, что штандартенфюрер СС фон Кренц назначен куратором сигуранцы от Главного управления имперской безопасности рейха. Как профессионал он ждет своего выхода на сцену здесь же, на «Дакии».

– Но я привык работать в одиночку, – предпринял поручик последнюю попытку переубедить генерала СС. – Таков стиль моей работы.

– Нам это известно, – сухо заверил фюрер «СД-Валахии», давая понять Лицедею, что на сей раз его привычки и амбиции в расчет приниматься не будут. – Сейчас мы находимся накануне таких событий, – все с той же невозмутимой сдержанностью объяснил он, – во время которых многие свои привычки мирной жизни придется менять. В том числе и вам, оберлейтенант, да-да, в том числе и вам...

11

На спуске в очередной овраг Гродов немного отстал от майора и, метнувшись в сторону, за кустарник, прошелся короткой очередью из автомата по широкому стволу старого дуба. Затем выстрелил из пистолета. Ни одна щепка от ствола не отлетела, ни одного входного отверстия от пули не осталось.

«Вот теперь все стало на свои места, – остался доволен собой капитан, пристраиваясь у дерева, чтобы помочиться. – Там и там патроны холостые. Гранаты нам тоже наверняка учебные подсунули».

– Что за пальба, артиллерист?! – возмутился майор, когда, метнувшись наискосок, Гродов догнал группу. – Ты что, совсем обезумел?

– Все те же обстоятельства, товарищ майор.

– Какие еще обстоятельства?!

– Отошел к дереву по нужде, а там – змея, – решил Гродов не разрушать легенду учений. – Если бы не скосил – случилось бы непоправимое.

– Ну, разве что змея... – недовольно проворчал Воронов.

– К тому же неизвестно, куда именно эта змея ужалила бы, – хохотнул капитан Сергеев, доселе считавшийся наиболее молчаливым в группе.

Лишь когда последовала еще одна команда: «Всем – вниз!», Гродов понял, что явно недооценивает берегового подполковника: второе десантирование все же состоится. К моменту их приземления в перелеске между двумя деревушками десантники подполковника Савельева, высадившиеся чуть раньше, уже разворачивались в цепь, готовясь прочесывать густой, чернеющий в низинной равнине бор. И командир отряда, и его подчиненные были явно взволнованы: звучали приказы, красноармейцев готовили к серьезной стычке с врагом. К тому же Гродов обратил внимание, что бойцов здесь вдвое больше, чем тех, что были сюда десантированы.

«Неужели даже подполковник Савельев не знает о том, что появление здесь вражеских диверсантов – всего лишь учебная легенда?» – усомнился Гродов. Или же случилось непредвиденное: диверсанты действительно есть, а ему и прочим офицерам, которые прибыли с ним, по какой-то чудовищной ошибке выдали оружие с учебными холостыми патронами?

Гродов уже хотел поделиться своими подозрениями с майором Вороновым, но поступила команда подполковника: «Продвигаться скрытно, без разговоров и стрельбы. Огонь открывать только в самом крайнем случае. Всех обнаруженных в лесу – задерживать и передавать группам второго эшелона, которые продвигаются за основной цепью в виде арьергардного заслона и резерва».

Бор оказался небольшим и обрывался у края обширной низины, за которой проходила железная дорога, судя по всему, заброшенная, поскольку рельсы едва просматривались сквозь заросли сорняка. Пройдя еще немного по кромке низины, десантная группа обнаружила себя почти у самого болота, в полуразрушенной лесной сторожке, над обвалившейся крышей которой еще издали просматривалась радиоантенна.

Когда сторожку окружали по периметру поляны, на которой она располагалась, Гродов обратил внимание, что никакого охранения диверсанты не выставили, но объяснил это тем, что, очевидно, за подходами к стоянке наблюдают из руин. Однако все прояснилось очень быстро. После команды подполковника: «Всем, находящимся в развалинах, выйти и сдать, жизнь гарантируем! Стреляем пока что в воздух!» действительно последовало с полдюжата автоматных очередей и винтовочных выстрелов в сторону полуосевшей крыши, над которой вскоре появилась какая-то белая тряпка. Когда выстрелы затихли, из руин донеслось:

– Прекратить стрельбу! Мы сдаемся!

Но голос, который извещал о победе десантников, капитан Гродов не спутал бы ни с каким другим, поскольку он принадлежал Бекетову. Каковым же было разочарование подполковника Савельева, когда он действительно увидел, что из руин выходит Бекетов, а вслед за ним, убедившись, что «сдача» проходит мирно, появились девушка-радистка и двое бойцов с автоматами.

– Учебная операция завершена! – прокричал береговой подполковник. – Всем оставаться на своих местах. Оружие разрядить. К нам приближаются только подполковник Савельев, майор Воронов и капитан Гродов!

– Товарищи офицеры, только что вами успешно завершена очередная учебная антишпионская операция. Всех благодарю за службу.

– Жаль, что это всего лишь оказалось учебной игрой, – проворчал Савельев, – я уж поверил было...

– И даже готовили себя к тому, чтобы привинтить к гимнастерке орден за ликвидацию особо опасной диверсионной группы, – едва заметно улыбнулся Бекетов. – Понимаю. С орденом придется повременить.

– Да нет, я не к тому... – попытался оправдываться несостоявшийся орденосец, однако Бекетов прервал его:

– Вы, подполковник, сейчас посадите всех бойцов на грузовики, – указал он в сторону выдвигавшихся из лесной дороги машин, – и доставите их на полевой аэродром, с которого взлетали. Кстати, он расположен всего лишь в шести километрах отсюда. А здесь, под руинами лесной хижины, находится дот передового охранения аэродрома. Сами эти руины, как вы понимаете, всего лишь маскировка. Еще несколько таких же дотов построено по всему его периметру.

Майор и подполковник Савельев удивленно и в то же время разочарованно переглянулись. Они чувствовали себя людьми, над которыми некорректно, почти глупо, подшутили. Но самого Гродова это не касалось. В эти минуты он вообще плохо воспринимал происходящее. Как только радистка задвинула на затылок капюшон своего маскхалата, он сразу же узнал в ней Валерию. Поняв, что их миссия завершена, сопровождавшие радистку автоматчики скрылись в своем доте, серый купол которого просматривался сквозь щель между блоками руин, а девушка осталась и продолжала сверлить Гродова взглядом своих черновато-коричневых, «сливовых» глазниц. Причем влюбленных, как хотелось бы верить капитану.

– А вам, капитан береговой службы Гродов, предстоит еще один прыжок. Понимаю: третий в течение дня – перебор. Зато основательно закрепляет опыт.

– К третьему тоже готов, товарищ подполковник, – даже переведя взгляд на Бекетова, он все еще косил глаза на девушку, само появление которой казалось ему наиболее невероятным во всем этом контрразведкой поставленном спектакле.

– Майор Воронов, наш артиллерист поступает под вашу опеку и ответственность. Кстати, как считаете, «благотворительный десантный пинок» пошел ему на пользу?

– Свидетельствую: капитан Гродов обошелся без пинка и прыгал без колебаний. Редкий, доложу вам, случай, если учесть, что парашютом его наделили вообще без какой-либо предварительной подготовки, что крайне опасно.

– Ну, извини, артиллерист-береговик, – одарил выпускника курсов своей милейшей ухмылкой Бекетов. – Что поделаешь, такой у меня метод подготовки настоящих контрразведчиков.

– Да это я уже уловил.

– Теорией парашютного десантирования мы с тобой потом как-нибудь займемся, на досуге.

– После двадцать первого прыжка, – ответил ему с той же ухмылкой Гродов.

– Но ведь майор утверждает, что все идет нормально. Кстати, замысел мой штабистский ты так и не разгадал: поверил, что действительно идете на задержание вражеской агентуры.

– Ошибаетесь, товарищ подполковник. Сомнения возникли с самой первой же минуты.

– Сомнения могли возникать у кого угодно. Доказательств нет.

– На холостых патронах вы прогорели. Еще по пути к водяной мельнице я специально чуть отклонился от группы и в упор расстрелял ствол дерева – из автомата, а затем пистолета. Майору объяснил, что истребил попавшуюся по пути змею.

– Так ты уже тогда все понял?! – с обидой спросил его Воронов.

– Не хотел срывать штабной замысел подполковника Бекетова. Он ведь строился на вере десантников в правдивость легенды о заброске в тыл группы диверсантов, снабженной рацией, – вновь перевел капитан взгляд на Валерию.

– Извините, забыл представить, – только теперь «вспомнил» о стоявшей чуть позади него девушке подполковник. – Перед вами одна из лучших наших десантных радисток, и не только радисток, – лейтенант Валерия Лозовская. По-моему, вы уже немного знакомы, а, капитан?

– Извините, впервые вижу.

– Значит, показалось. Бывает, – спокойно отреагировал подполковник. – Не исключено, что в ваши южные края отправим, уже в виде инструктора.

Гродов прошелся по девушке взглядом так, словно и в самом деле видел ее впервые, и почти разочарованно пожал плечами.

– Знать бы, где к тому времени окажусь я сам...

– Тоже верное замечание.

Самолет появился так внезапно, словно вынырнул из самой гущи бора. Описав круг, он уселся на поляне рядом с офицерами.

– Диверсионное десантирование на «вражеский» аэродром будете осуществлять только вы, капитан Гродов. – Объяснил Бекетов, указывая рукой радистке в сторону машины. – На сей раз в одиночку. Считайте это своим зачетным прыжком.

– В принципе, я могла бы прыгнуть вместе с товарищем капитаном, – наконец-то прорезался голос у радистки.

– Уже сказано было: прыжок одиночный, зачетный, – отчеканил Бекетов, а выдержав небольшую паузу, объяснил: – Опасаюсь, как бы после такого совместного десантирования вас потом не пришлось долго искать по окрестным лесам.

– Уж не намекаете ли вы на то, что мы собираемся бежать от вас? – с легкой долей ириности поинтересовалась Валерия.

– А кто вас знает?! Может, и собираетесь. Не зря же всех вас полковник Мытищин именует не иначе, как «вояками Тутанхамона двенадцатого».

Во время этого прыжка Гродова роль «благотворительного десантного пинка» сыграл возрожденный им в памяти взгляд радистки, под которым капитан готов был шагнуть за борт самолета даже без парашюта.

Уже дергая за спасительное кольцо, Дмитрий успел заметить, что, подхваченный мощным потоком воздуха, он несется прямо на огромное, охваченное предзакатным пламенем солнце. «Нет, это пока еще не то пламя, на котором тебе суждено полыхать, капитан!» – напроорочил себе новопосвященный десантник.

12

Не по-армейски располневший штандартенфюрер фон Кренц поражал своими чертами лица. Несоразмерно выпяченный угловатый лоб, надбровные дуги, нос, губы, скулы – все удивляло своими размерами и своей первозданной неотесанностью. Он был похож на статую Гаргантюа, очертания которой мастер поначалу основательно наметил, а затем вдруг, разочаровавшись в своем замысле, так и оставил в виде гранитной заготовки.

– У вас, обер-лейтенант Крамольников, всего семь дней для того, чтобы надышаться воздухом свободы, забыть о повседневной опасности и вдохновиться перед новым рейдом, на сей раз – в предфронтную полосу. – Движением фокусника, расстилающим перед зрителями скатерть-самобранку, штандартенфюрер развернул перед поручиком карту юга Украины и Молдавии. – В духе, так сказать, откровенной фронтальной авантюры.

С момента появления в каюте фон Кренца бригадефюрер решил довольствоваться молчаливой ролью случайного присутствующего. Вот только и сам штандартенфюрер, и поручик так и не смогли ни избавиться от его иронически оценивающего взгляда, ни демонстративно проигнорировать его.

– Десантирование будет производиться вот здесь, – указал он пальцем на точку, к северо-западу от Балты, которая до недавнего времени была столицей Молдавской автономии, – в районе Савранского леса. Если верить этой карте, южнее сколько-нибудь больших лесов уже нет.

– Проверено: дальше – голые степи. Тем не менее хотелось бы оказаться в районе балтских лесов в мундире и с документами не лесничего, а, на худой конец, милиционера, чья форменная одежда воспринимается в Совдепии с глубоким почитанием, или же – что еще внушительнее – офицера НКВД.

Штандартенфюрер тут же намерен был оспорить это желание, но запнулся на полуслове. Такого властного диктата он не ожидал. До сих пор агенты, с которыми ему приходилось работать, покорно принимали ту легенду, которую им навязывали режиссеры из разведывательно-диверсионного отдела РСХА.

– Вообще, мы намерены были забросить вас в гражданской одежде и с документами директора некоего поселкового Дома культуры. Учитывали, что эта должность соответствует вашей артистической натуре, а главное, не представляет никакого интереса ни для милиции, ни для НКВД.

– Прикажете срочно подыскать в «костюмерной» разведки или пошить мундир с погонами капитана милиции. Удостоверение личности на этот чин у меня есть. Причем абсолютно надежное.

Кренц вопросительно взглянул на бригадефюрера. Тот едва заметно кивнул и произнес:

– Только учитывая особую важность операции...

– Принимается, о мундире мы позаботимся, – согласился штандартенфюрер с плохо скрываемым раздражением. – Сегодня же этим займется наш специалист по экипировке агентов. Не исключено, что мы действительно экипируем вас как офицеров НКВД. Что уж тут размениваться на офицеров милиции? Но в таком случае легенду вы разрабатываете сами.

– Я всегда разрабатывал их сам, в вольной артистической интерпретации.

– Мне сказали, что у вас есть опыт полетов на планерах. Это соответствует действительности?

– В румынской разведшколе доставка и десантирование агентов на планерах входили в список обязательных дисциплин. Наряду с переброской на воздушных шарах, которые, увы, мало поддаются пилотированию.

– И на воздушных шарах?! – вновь удивленно взглянул фон Кренц на бригадефюрера.

– Вид транспорта еще предстоит определить, – ушел тот от прямого ответа. – Не исключено, что вас могут забросить со стороны моря.

– Многое зависит от того, какова цель этого рейда, – подсказал поручик.

– Самая быстрая и точная выброска обычно осуществляется из самолета, но она же – и самая шумная, а значит, демаскирующая, – молвил штандартенфюрер.

– Однако мне точно известно, – заметил поручик, – что красноармейские части получили приказ огонь по воздушным целям не открывать, дабы не провоцировать военный конфликт с Германией. Все воздушные нарушения границы должны истолковываться местными командирами как провокации, на которые не следует поддаваться. Причем не поддаваться под угрозой трибунала.

– Действительно, ни одной воздушной или зенитной атаки русских в последнее время осуществлено не было, – признал барон фон Гравс.

– В таком случае воздушный бросок некоего самолета-нарушителя над территорией Молдавии, от Прута до Днестра, будет воспринят как еще одна провокация, – попытался подытожить штандартенфюрер. – А лесной массив в районе Балты, – постучал он пальцем по карте, – совсем рядом с Днестром. – Впрочем, детали десантирования мы еще обсудим с авиаторами. А теперь о самом задании. Ваша группа будет состоять из трех агентов, во главе с вами, четвертым.

– А ведь в сигуранце знают, что я работаю в одиночку, – проворчал поручик, однако штандартенфюрер невозмутимо продолжил:

– Так вот, четыре ваших спутника – румыны, точнее, националисты из той территории, которая сегодня составляет Молдавскую Республику. Ваше первое общее задание – заложить где-нибудь здесь, в лесистой местности, неподалеку от железной дороги, тайник с оружием и взрывчаткой. А также создать базу для приема диверсионной группы. Это может быть отдельно стоящий дом, в котором живет какой-либо старик: дом молдавского патриота, который верит в скорый приход румынской армии и создание Великой Румынии...

– ... Или же дом человека, который пострадал от зверства коммунистов во время красного террора, массовых репрессий в тридцатые годы, и так далее, – продолжил его мысль поручик Крамольников. – В крайнем случае просто падкий на деньги уголовник. Словом, подобная методика подбора местного жителя давно отработана.

– Вы оставляете здесь группу из двух агентов – радиста и диверсанта, а с оставшимся диверсантом, тоже радистом, уходите вот сюда, – обвел штандартенфюрер небольшой круг на карте, – к Тилигульскому лиману, к месту впадения в него одноименной реки. Подполковник Петреску, который непосредственно будет готовить вашу группу к переброске в Совдепию, укажет явку, которую держит в плавнях некий местный рыбак, наш давний агент. Там вы оставляете своего радиста и пробираетесь в Одессу, в логово вашей Волчицы. За неделю до начала войны во все три точки придут группы диверсантов, которые будут действовать по своему усмотрению, уничтожая все, что подлежит уничтожению, истребляя командный состав и партийных активистов, ввергая советские тылы в хаос и шпиономанию.

– Вы сказали «за неделю до начала войны»? – подался Крамольников к штандартенфюреру. – Значит, вам уже известны сроки?

Кренц вопросительно взглянул на бригадефюрера.

– Окончательный срок нападения известен только фюреру, – спокойно объяснил фон Гравс. – В том случае, если он уже действительно определился с ним. Но предполагается, что это произойдет еще до конца июня.

– То есть уже в ближайшие недели? – не поверил своим ушам поручик, вспомнив, что их беседа происходит в последних числах мая. – Буквально через месяц? Понимаю, что это государственная тайна рейха, но перед очередным рейдом для меня очень важно было узнать, что дни Совдепии сочтены уже в самом прямом смысле.

– Дата нападения на Россию, действительно, является государственной тайной рейха, – молвил бригадефюрер, отбрасываясь на спинку кресла. – Но пусть вас это не смущает. Всякой фронтовой войне предшествует война пропагандистская, то есть война панических слухов, тревожного ожидания, неверия в идеологические и экономические постулаты действующей власти... Поэтому поле деятельности, поле вашей мести «красноперым» – кажется, именно так вы их называете, – безгранично.

– Следует понимать, что теперь я превращаюсь не столько в разведчика, сколько в вольного, самому себе предоставленного диверсанта?

– Считайте, что с того часа, когда вы вновь ступите на землю Совдепии, вы находитесь в состоянии личной войны с коммунистическим режимом, – предложил штандартенфюрер.

– А потому действовать можете, исходя из ситуации, но в любом случае – жестко и решительно.

– Вы забыли добавить: «А главное, эти акции должны быть заметными, вызывающими волну панических слухов».

– Что само собой разумеется, – заметил фюрер «СД-Валахии». – И еще. Учтите, что с первых же дней боевых действий, мы, служители разведки, обязаны сделать все возможное, чтобы война с Германией повсеместно перерастала для России в гражданскую войну. Причем на основе и социальной, и национальной розни.

Крамольников удивленно вскинул брови, решительно повел широкими, слегка обвисающими плечами, словно готовился к выходу на борцовский ковер, и только тогда произнес:

– А что, пожалуй, вы правы: растерзанная коммунистами, залитая ими кровью, современная Россия вполне готова к очередной гражданской войне.

– Уведомляю вас, поручик, – подливал масла в огонь его страстей бригадефюрер, – что на сей раз вы получите такое количество советских денег, которые позволят вам не ощущать стеснения в средствах: спаивайте, подкупайте, внушайте, вооружайте и нацеливайте... Можете создавать хоть подпольную организацию, а хоть сразу же – партизанский отряд или повстанческую армию.

– Ну, разве это не золотая пора для истинного диверсанта-профессионала? – романтически оживился фон Кренц, словно это ему самому выпадала счастливая возможность – огнем и мечом пройти по тыловым объектам ненавистной Совдепии. – Так пусть этот ваш рейд надолго запомнится энкаведистам, войдя уже в историю очередной освободительной войны Белого движения.

13

После прыжка подполковник пригласил Гродова в штабной бункер, где Тутанхамон уступил ему комнатку начальника штаба и провел с ним короткую содержательную беседу, начав ее с фразы:

– Конечно, все то, во что мы тут играли, ничего общего с настоящей боевой подготовкой не имеет, но держался ты для первого раза неплохо.

– Благодарю за высокую оценку, товарищ подполковник.

– Почему ты считаешь, что она высокая? – интуитивно встрепенулся Бекетов, но тут же остыл и махнул рукой. – Впрочем, сейчас тебя доставят в распоряжение флотского экипажа, где завтра же начнут действовать секретные курсы военной контрразведки. Вас там будет всего-навсего двадцать человек. Лекции о разведках и контрразведках противника, о разработке агентуры и прочем ты будешь слушать вместе со всеми. Но осваивать рацию и заниматься личной подготовкой к спецзаданию придется по особому плану. Не слышу возражений.

– Их нет. Разве что хочу доложить, что начальником завершенных мною курсов мне было обещано трое суток для всевозможных личных дел.

– Странно, мне почему-то казалось, что личные дела твои связаны теперь с Валерией Лозовской.

Гродов немного замялся, но подтвердил:

– Кажется, так все и выглядит.

– Тогда какие ко мне претензии? Инструктором по радиodelу у тебя будет лейтенант Лозовская. Понятно, что личными делами придется заниматься вне аудитории, тут уж извини. А во всем остальном...

Гродов улыбнулся и недоверчиво покачал головой.

– Лихо закручено.

– Говорил ведь, что у меня своя методика вербовки, подготовки и всего прочего, – не без самодовольствия напомнил ему Бекетов.

– Никогда не смог бы распознать в Валерии радистку контрразведки флота.

– А зачем нам готовить радисток, у которых на лбу написано, кто они такие и чем занимаются?

– И что, Валерия – тоже профессиональная контрразведчица? – неуверенно поинтересовался капитан.

– Такой же новичок, как и ты. А вот в чем она действительно профессиональна, так это в том, что имеет диплом фельдшера, поскольку окончила медицинское училище. Мало того, сейчас Лозовская учится на вечернем отделении Военно-медицинской академии. Чего ты, капитан, предположить тоже не смог бы, – явно подтрунивал над ним Бекетов.

– Всегда буду помнить, что к вам приходят люди из разных профессий, – признал Гродов.

– Вот видишь, какую массу информации ты получил о женщине, которая тебе нравится. При скрытности Валерии и твоей нерешительности ты выуживал бы у девушки эти сведения как минимум полгода.

– Если я верно понял, детство и юность ее прошли в Молдавии?

– ...Захваченной румынами. То есть она была румынской подданной. Они с матерью – беженки. Отец ее, профессор медицины, был связан с коммунистическим подпольем, арестован и убит, как официально было уведомлено, при попытке к бегству. Им же с матерью удалось уехать в Венгрию, к родственникам, уже оттуда спустя несколько лет через Австрию и Польшу – в Советский Союз. Кстати, мать ее происходит из австрийских дворян с румыно-венгерскими корнями, из графского семейства Кошичей. Что же касается отца, то он – из австрийско-польских дворян, с польско-румынскими корнями, из рода баронов Лозеcki, или, на польский лад,

Лозовских. Порода, так сказать. Зато в совершенстве владеет немецким и румынским языками, то есть языками наших потенциальных противников.

– Странно, что с такой родословной она в нашей стране уцелела и даже дослужилась до офицерского звания.

– У нас служат и более «породистые». Если, конечно, они действительно преданы нашей идее.

– Вот как? Лично мне такие, с высокими дворянскими титулами, пока что не попадались.

– Один из таких – перед вами. Из татарского княжеского рода Бекетовых. Не скажу, чтобы это способствовало моему продвижению по службе или вообще чему-либо способствовало, но факт зафиксирован.

– Увы, мне своей родословной хвастаться не приходится.

– Что тоже имеет свои... преимущества, капитан, – грустно раздвинул уголки губ подполковник. – Были времена, когда многие из нас, породистых, охотно поменялись бы с тобой своими родословными, почитая «беспородность» как великое благо.

– Не уверен, что о тех временах следует говорить в прошедшем времени.

– Следует, – отрубил подполковник. – Возвращаясь же к Лозовской, скажу, что она нами проверена. В деле. Так что с этой стороны знакомства с ней можешь не остерегаться.

– Спасибо за предупреждение.

– Но ты ведь хочешь встретиться с Валерией не для того, чтобы обсуждать с ней «родословные» ваших предков?

– Ясно, что не для того.

– Тогда и не стоит касаться этой темы, – решительно постучал костяшками кулака по столу подполковник. – Вообще никогда. И еще. Во время занятий вести себя с Лозовской следует как с инструктором. Как с инструктором, – жестко подчеркнул наследник княжеско-татарского титула.

Они уже попрощались, когда на самом пороге Бекетов неожиданно остановил его фразой:

– Тем не менее ты к ней все же присматривайся. Все-таки австрийская, а значит, германская кровь; баронесса, жила в Румынии, в Венгрии, в Австрии, в Польше... Все может быть. А, как считаешь?

– Вряд ли она признается мне в чем-либо таком, что не смогли выбить у нее КНВД и военная контрразведка.

– А не надо ничего выбивать. Однако вдумчиво слушай, анализируй, сопоставляй. И чуть что, хоть малейшее подозрение... Немедленно докладывать. Немедленно! Неужели ты думаешь, что мы просто так подставили тебя этой красавице? Ты ведь, наверное, решил, что это мы подставляем эту девицу тебе. Валерия тоже так решила. На самом же деле все выглядит иначе.

– В свою очередь вы обязали баронессу докладывать обо мне.

– Само собой! – на лице подполковника не появилось даже тени смущения. – Да, следить и докладывать. В обязательном порядке. А как же иначе?! Но еще раз предупреждаю: на занятиях вести себя с Валерией исключительно как с лейтенантом-инструктором Лозовской. И никаких любовных шашней. Строго-настрого!

* * *

Очевидно, Валерия была предупреждена о том же, поскольку на протяжении всех занятий они вели себя так, словно всегда находились под неусыпным оком Бекетова или уже на вражеской территории при выполнении задания и не имели права раскрывать факт знакомства друг с другом или хотя бы малейшей приязни. К тому же сразу после занятий за Валерией и еще двумя преподавателями секретных курсов приезжала легковая машина, появление кото-

рой не оставляло капитану никаких шансов и надежд. Стоит ли удивляться, что лишь после десятого занятия девушка неожиданно сказала:

– Все, на этом наш краткий курс ознакомления с работой радиста завершен. Еще в течение трех дней вы будете совершенствоваться в работе ключом. Экзаменовывать вас никто не станет, так как это противоречит методике подготовки, предпочитаемой подполковником Бекетовым.

– Меня не станут экзаменовывать?! Странно.

– По его методике, проверять нашу подготовку станет сама жизнь. Война, если уж выражаться конкретнее. К тому же каждое наше занятие завершалось проверкой усвоенного материала.

Капитан никак не отреагировал на это уточнение Лозовской; считал, что говорить о грядущей войне категорически запрещено. С Германией подписан договор о дружбе, а больше нападать на великую Страну Советов вроде бы некому. Они немного помолчали, и только после этого Гродов все-таки поинтересовался:

– Но хоть какие-то успехи у меня просматриваются?

– Будем надеяться, что лично вам работать с рацией не придется, – дипломатично ушла от прямого ответа Валерия. – Для этого существуют профессиональные радисты.

– Лучше – радистки.

– Нет, уж поверьте мне, радисты. Они менее эмоциональны и в большинстве своем храбрее; у них больше шансов уйти от преследования, отбиться силой оружия. А главное, – по-мужски поиграла она желваками, – куда меньше вероятности того, что вы влюбитесь в своего напарника-радиста, что тоже облегчит вам жизнь.

– Вот над этим не задумывался.

– Потому что жизнь на стойкость вас пока что по-настоящему не проверяла.

Теперь, вооруженный сведениями «от Бекетова», Дмитрий стал пристальнее наблюдать за радисткой-аристократкой – ее манерой держаться, ее жестами, ходьбой, речью. Не для доносов, естественно, а для души. Увы, ничего сногшибательного он так и не обнаружил. Зато окончательно убедился, что судьба действительно свела его с по-настоящему красивой женщиной. Широкие, покатые плечи; лебяжья, украшенная природными завитками шея; в меру высокая, по-девичьи тугая грудь. Правда, обращали на себя внимание слегка подпорченные «непородистыми» вкраплениями римские черты лица. Причем в самом деле «подпорченные». Что, однако, делало лицо Валерии не то чтобы менее красивым, а по-своему, с легкими мазками озорства, смазливый.

– Когда я говорил о радистке, то имел в виду вас, Валерия Яновна.

– Напрасно. Почти исключено, что меня станут использовать в качестве радистки. Как и вас, товарищ капитан, в качестве радиста.

– Кто знает? А вдруг...

– Подобное использование выглядело бы неразумным. Слишком серьезную подготовку мы получаем. Умению пользоваться рацией нас обучают для общего развития, и на тот, самый крайний, случай, когда мы вдруг останемся без прикомандированных к нам радистов.

– По-моему, сообщение об экзаменах прозвучало всего лишь началом чего-то более важного, что вы хотели сообщить мне, лейтенант.

– Считайте, что хотела обрадовать: подполковник Бекетов позволил использовать еще три часа времени для проведения с вами общеподготовительной беседы.

– Даже так, «общеподготовительной»?

– Что вас удивляет, капитан? Такой термин действительно существует.

– Мы будем проводить эту беседу здесь?

Стая чаек шумно приблизилась к берегу, совершила несколько кругов над соседним утесом, небольшая плоская вершина которого откололась от материка и, склонно переругиваясь,

стала устраиваться на нем. Откуда-то издалека донесся протяжный гудок парохода, однако самого его рассмотреть было невозможно, поскольку он шел в полном тумане, что называется наощупь.

– Можем спуститься к заливу и посидеть там, – неожиданно предложила Валерия, как только затих повторный гудок.

– Давно мечтаю о том, чтобы посидеть вместе.

– Или же взять шлюпку.

– Там решим. Главное, что мы окажемся вне курсов и будем вместе.

– Только наденьте шинель, у воды всегда прохладнее. Я со своей шинелью, как видите, – метнула она взгляд на вешалку, – вообще не расстаюсь, как и подобает южанке.

14

Пилоты свое слово сдержали: последние километры за Днестром они прошли на максимальной высоте и с заглушенными двигателями, используя все планерные способности своего небольшого военно-транспортного самолета связи. Высадка прошла на удивление удачно. Все четверо диверсантов приземлились в третьем часу ночи, в безлюдной пойменной низине у речушки, быстро нашли снабженный двумя фонариками мешок со своим багажом и, засыпав парашюты в яме глиняного карьера, направились к полуразрушенной пастушьей хижине.

Здесь они разделили общий багаж по двум красноармейским рюкзакам и двум офицерским чемоданчикам и разошлись: агент Лесник со своим радистом направился на северо-запад, к видневшемуся неподалеку лесу, чтобы там, у одного из лесных хуторов, приготовить базу для приема основной диверсионной группы. А Крамольников с радистом Корнелиушем по кличке Монах двинулись строго на юг, в надежде как можно быстрее добраться до ближайшей железнодорожной станции.

На окраине села они наткнулись на крестьянскую повозку, возница которой направлялся на расположенный в двух километрах полевой стан. Расспросив опешившего от такой неожиданной встречи мужичка, как добраться до станции, диверсанты стащили его с передка, убили и, забросив тело в глубокий, поросший кустарником овраг, погнали лошадей в сторону железной дороги.

– Что, служивый, – самодовольно проговорил Крамольников, берясь за вожжи и обращаясь к своему напарнику, – будем считать, что наша личная война против Красной империи уже началась.

– Ну, прибить колхозного ездового – чести немного, – проворчал Монах. Поручик уже знал, что в Гражданскую он, еще мальчишкой, оказался в Румынии, поскольку отец его был молдаванином. После учебы в монастырской школе какое-то время действительно служил послушником в монастыре. Но в сигуранце решили, что этот русской старообрядкой рожденный верзила создан не для монастырских молитв и спровоцировали его участие в драке почти у самых ворот обители. Затем, как водится, последовали полицейский участок, вербовка и разведшкола, где Василия Корнелиуша с одинаковым старанием готовили к обязанностям и радиста, и диверсанта-взрывника.

– Вы не заметили, служивый, что ездовой этот – призывного возраста? Завтра таких вот ездовых красные комиссары обмундируют и вооружат. И будут они гнать ваши «железные легионы» от Дуная до Бухареста и германских границ.

– А ведь произносите вы это с истинно русским злорадством, а не как офицер румынской армии.

– Разве для кого-то секрет, что я по-прежнему остаюсь офицером белой русской армии, которой ваша армия – не чета?

– Однако и вас красные тоже били, – не без ехидства напомнил ему Корнелиуш.

Крамольников приподнялся, чтобы лучше рассмотреть вдалеке, справа, огни. Очевидно, где-то там располагалось еще одно село, однако визиты вежливости в случайные селения в его планы не входили. Каждая сотня метров, по которой проносились тощие колхозные лошадки, приближала их к конечной цели этой поездки – Одессе, сейчас это было главное.

– К твоему сведению, Монах, нас не столько истинно красные, сколько свои же мужики били, на пропаганду жидо-комиссаров поддавшись, – объяснил он румыну. – За бедность свою, за давние обиды, но, главным образом, по буйству русского характера. Кстати, в Молдове вашей недорумынизированной происходило то же самое. Впрочем, во всем этом мы, русские, сами разбираться будем.

Хотя облачены эти двое были в гражданские одежды, однако добротные кожаные куртки, кожаные фуражки и галифе выдавали в них людей военных. Тем более что все знали: в таких куртках и фуражках в селах обычно появляются энкаведисты. К тому же всякий, кто решился бы потребовать у них документы, легко мог убедиться, что перед ним в самом деле капитан НКВД Петр Крамольников, командированный в Украину из Москвы, и его коллега из пограничных молдавских Унген старший лейтенант Василий Корнелиуш.

Как только Монах узнал, что Крамольников решил появиться в Одессе под своим именем, он попросил, чтобы в предназначенном ему удостоверении личности тоже значилась его настоящая фамилия.

– Ясно, что эти двое – безумцы, – завершил адъютант Гольдах свое сообщение об этом бригадфюреру Гравсу. – Особенно Крамольников. Возвращаться в Россию под своим именем. Но Крамольников – понятно. Он давно играет с судьбой в русскую рулетку, а вот зачем это понадобилось Василию Корнелиушу?

– Ничего, пусть идут. Время сейчас такое, которое так и войдет в историю как «время безумцев». А значит, это их, впрочем, как и наше с вами – время.

Добравшись до железной дороги, диверсанты услышали невдалеке гудки паровоза. Судя по тому, что состав двигался на юг, это вполне мог быть утренний поезд местного сообщения, названный в народе «рабочим», в который всегда набивалось много народа.

– Но мы не сумеем добраться до ближайшей станции или какого-либо полустанка, чтобы успеть на него, поручик, – заметил Корнелиуш, – поскольку даже не знаем, где мы точно находимся.

– А нам не станция нужна, нам нужен поезд, – ответил Крамольников, лихо загоняя подводу на железнодорожную колею. Еще через минуту кони были выпряжены, и поручик повел своего спутника вдоль колеи, навстречу составу.

Расчет оказался точным. Заметив в рассветной дымке застрявшую подводу, машинист решил, что возница попросту испугался, выпряг лошадей, которые прямо в сбруе паслись неподалеку, а сам скрылся в ближайшей лесопосадке. Он успел затормозить, но времени, которое понадобилось помощнику машиниста и добровольцам из первого вагона, чтобы убрать преграду, диверсантам вполне хватило для того, чтобы втиснуться в один из средних вагонов. Причем подобрался к нему ночные странники таким образом, словно всего лишь решили перейти из заднего вагона. Вдобавок им еще и повезло: кондуктор, которому Крамольников, вполголоса, не привлекая внимания посторонних, представился, «вошел в положение командированных товарищей из органов», и даже сумел пристроить их на краешки лавок.

С часик, «по-кучерски», как говаривали в старину, подремав, поручик успел взбодриться на узловой станции настолько, что заметил, как к вагону приближается наряд милиции. Подняв своего спутника, он встретил милиционеров в тамбуре и, мельком показав удостоверение, решительно потребовал у них предъявить документы. Расчет оказался точным: даже у сотрудников милиции страх перед **энкаведистами** проявлялся панически. Оба милиционера – лейтенант и младший лейтенант – покорно извлекли свои удостоверения личности.

– А почему вдруг вы проверяете документы у милиционеров? – без каких-либо ноток возмущения, скорее из чистого любопытства, поинтересовался лейтенант, пока Крамольников придирчиво изучал документ его сослуживца. Сам лейтенант эту проверку уже прошел.

– Что значит «вдруг»? – назидательно переспросил диверсант. – Вы что, не знаете, что в местных краях объявилась пара то ли диверсантов, то ли бандитов, которые орудуют, выдавая себя за милиционеров?

Лейтенант переглянулся со своим подчиненным, который тоже явно ни о чем «таком» не слышал, и, на всякий случай, промямлил:

– Да, пошел слух о каких-то гастролерах, пошел...

– Это уже не слух, это самый настоящий разгул контры, – возразил Крамольников, – потому нас и бросили сюда целую бригаду, чтобы помочь местной милиции навести порядок.

– Но мы – не патрульные, – объяснил милицейский лейтенант. – Патрульный наряд обычно появляется дальше, на станции Раздельная, чтобы в течение часа прошерстить весь состав.

– Вот за эту информацию спасибо, – едва заметно ухмыльнулся Крамольников.

– Их там обычно подсаживается несколько нарядов, – охотно уточнил младший лейтенант.

– А как же тогда воспринимать вашу прогулку?

– На курсы едем. Для повышения, так сказать, квалификации в сыском ремесле.

– Тоже нужное дело. Вам известно, какой поезд проследует через Раздельную сразу же за этим, «рабочим»?

– Киевский, – уверенно ответил младший лейтенант.

Крамольников вопросительно взглянул на напряженно молчавшего Монаха, который, судя по всему, никак не мог вжиться в образ, точнее, не решался играть его, и, по-простецки почесав затылок, произнес:

– Если в Раздельной подсаживается несколько нарядов, значит, справятся без нас. Какой смысл путаться у них под ногами? Выходим в Раздельной, старший лейтенант, – строго обратился он к Корнелиушу. – На всякий случай пройдемся еще и по киевскому составу. А вас предупреждаю: коллегам своим ни слова о том, что на линии работает наряд НКВД. Это строго секретно. Лично проверю.

– Мы же понимаем. Можете не сомневаться, – почти дуэтом заверили диверсанта офицеры милиции.

– В ваших рядах, знаете ли, бандиты могут иметь своего информатора.

– Такое тоже случается, – поспешил согласиться с ним лейтенант.

15

Гродову понадобилось всего несколько минут, чтобы спринтерским рывком достичь казармы, взять шинель и, на ходу надевая ее, вернуться к Валерии. Он торопился так, словно опасался, что любая минута может оказаться роковой: девушка попросту исчезнет, развеется, подобно утреннему любовному бреду.

– Как выясняется, мы с вами почти земляки! – крикнул Гродов издали, радуясь тому, что девушка оказалась реальной, живой, настоящей, а не видением его холостяцких грез.

– Знаю, что земляки. В некоторые графы вашей биографии Бекетов меня уже посвятил. Как, наверное, и вас посвятил в тайны моего происхождения.

– Буквально в нескольких словах. И теперь я понимаю, откуда у вас этот приятный акцент.

– А еще Бекетов поведал вам о моем погибшем в румынской охранке отце-профессоре, моих медицинских потугах и, конечно же, о дворянских корнях.

– Они у вас действительно дворянские?

– Не собираетесь же вы осуждать меня за это?

– Как и вы меня – за мое пролетарское происхождение.

– Не прибедняйтесь, не такое уж оно и пролетарское, коль скоро ваш отец был морским офицером. А кем представляли перед миром его родители – уже не столь важно. В конце концов, всякий дворянский род знает своего родоначальника.

«А ведь для нее это важно, – мысленно молвил себе капитан, – чтобы и в тебе тоже отыскать некую дворянскую жилку. Некий зародыш аристократизма. Эта дочь бессарабских степей явно готова была оспаривать пролетарскую чистоту твоих корней».

– Напомню, что у нас подобное знание не поощряется.

– Поощряется или нет, а наша родословная всегда остается с нами – в наших биографиях, нашей крови, в воспитании, еще в чем-то там, возможно, пока еще нам неведомом. Мой покойный отец Ян Лозовский, действительно, унаследовал титул барона. Это факт, который никакому сокрытию не поддается. Как и тот, что на самом деле его отец был не Лозовским, а Лозецки. «Барон Лозецки» – так записано в его родословной, зародившейся почти четыре столетия назад с жизнеописания судетского¹⁵ немца-аристократа барона Лозецки. Да и покойная мать моя принадлежала к одной из ветвей известного венгеро-германского графского рода.

– А не румыно-венгерского? – попытался уточнить Гродов, не сумев припомнить, как именно определял его подполковник Бекетов.

– Точнее все же будет сказать: венгеро-германского, с валашскими, то есть румынскими, примесями рода, некогда обитавшего в Трансильвании и якобы даже породненного с последним австро-венгерским императором Францем Иосифом, а значит, и со всей династией Габсбургов.

– Габсбургов?! – воскликнул Гродов, прежде чем успел подумать, помнит ли он хоть что-нибудь, касающееся этой монархической династии.

– Все, кому выпадает знать о моей родословной, а круг посвященных в эту тайну крайне ограничен, реагируют на сообщение о династии точно так же. Признаюсь, что обо всем этом я сама узнала только тогда, когда мной заинтересовалась контрразведка, поскольку по просьбе отца родственники обязаны были тщательно скрывать от меня все, что они ведали о моих корнях. Не знаю, правда, как там у матери обстояли дела с правом наследования графского титула, потому как предпочитала, чтобы ее называли баронессой, по титулу мужа, но все же...

¹⁵ Судеты – историческая область, охватывающая части современных Чехии и Польши.

– Однако заинтересовалась вами контрразведка, наверное, не только благодаря этим корням.

– Вы правы: не только, а потому, что с красной контрразведкой связал свою судьбу мой дядя. Да и тетя тоже, в какой-то степени. Я не слишком разоткровенничалась?

– Со мной можно. Значит, вот оно что – двое из рода уже служили в контрразведке?

– Похоже, что Бекетов того же мнения – что с вами можно оставаться откровенной. Тем более что он и его руководители не очень-то склонны утаивать особенности моего происхождения. Не исключено, что со временем оно должно помочь мне. Как и мое знание румынского и германского языков. Точнее, австрийского наречия германского.

– И вы, с такой родословной?..

– Мои родители не были гражданами России, – прервала, по существу, упредила его вопрос Валерия, – поэтому «врагами народа» стать никак не могли. Хотя, конечно, наши «органы» постарались бы, – в голосе ее прозвучали нотки ожесточения.

Не все так просто было в восприятии этой наследственной аристократки «красного террора», понял Гродов, особенно репрессий тридцатых годов. Не так-то легко она могла не то что оправдать, а хотя бы объяснить его.

– Я хотел спросить не об этом. Меня удивило, что вы оказались в роли радистки.

– И об этом – тоже, – решительно продолжила Валерия, – коль уж наш разговор сложился подобным образом. Мои дедушка и бабушка жили в Австрии и умерли в один год, от туберкулеза. Там у них был свой замок. Естественно, они были очень состоятельными. Предчувствуя смерть, они завещали этот замок своему сводному брату, с условием, что после его смерти этот замок станет моим приданым. То есть я стану его владелицей. Вам, капитан, не хотелось бы бросить сейчас эту службу и увезти меня в мой замок?

– С трудом верится, что такое возможно.

– Увезти в качестве супруга, естественно.

– Пока что даже не смею мечтать – ни о том, чтобы вы стали моей женой, ни о том, чтобы мы с вами эмигрировали куда-либо.

Валерия поняла, что слишком размечталась и с презрительной миной на лице процедила:

– Терпеть не могу этого слова – «эмигрировать», за которыми тут же последует обвинение в измене родине.

– В таком случае давайте больше не возвращаться к этому разговору.

– Пока что не будем к ней возвращаться, – уточнила Лозовская.

– Но, если позволите, я стану называть вас «баронессой Валерией». В разговорах тет-а-тет, естественно.

Гродов был почти уверен, что Валерия запретит ему делать это, однако девушка снисходительно пожала плечами.

– Во-первых, я имею право на этот титул, а во-вторых, именно так, «баронессой», меня нарекли, предлагая агентурный псевдоним. И обращаются, как правило, тоже так – «баронесса Валерия», как бы используя не дворянский титул мой, а кличку, агентурный псевдоним.

– Вы имеете право на любой титул, баронесса, – несмело произнес капитан ее дворянский титул. – Вплоть до королевы или императрицы.

– Следует полагать, что к титулам я, господин льстец, отношусь более ответственно.

– Хотя и не способны оценить искренность моих порывов.

Они встретились взглядами и всепрощающе улыбнулись.

– Помню, что у вас особое пристрастие к стоящему на рейде учебному эсминцу, – тут же попыталась девушка увести его от запретной темы.

– Вы правы, баронесса, особое. Пребывая на его борту, я выискиваю наиболее уязвимые для моих береговых орудий места. Чтобы с первого снаряда пускать подобные корабли на дно.

– Командир эсминца догадывается о вашем коварстве?

– Весь экипаж недолюбливает меня за это: «Ходит, выискивает, того и гляди, беду накличет!».

– У них и в самом деле есть основания опасаться вас, истребитель судов и судеб.

– Стоит мне показаться на эсминце вместе с вами, как моряки сразу же изменяют свое отношение ко мне.

– Сама с удовольствием посетила бы его, но понимаю, что тревожить команду моими женскими ножками не стоит, побережем нервы истосковавшихся мужчин.

О чем бы Валерия ни говорила, ее губы оставались тронутыми едва уловимой улыбкой. Но это не было наивной ухмылкой простушки, скорее в ней угадывался аристократический оскал светской львицы. Так что, подполковник, по существу, прав – в самом деле, порода дает о себе знать.

– Ладно, побережем, баронесса, – уже чуть смелее воспользовался капитан титулом Валерии. Оказывается, в пролетарских устах он и выговаривается с трудом, как-то слишком уж пролетарски. По тому, сколь снисходительно Лозовская взглянула на Дмитрия после очередного явления на свет своего титула, нетрудно было догадаться, что она это заметила. – Правда, моряки наверняка предпочли бы, чтобы вы все же немного поиграли им на нервах показом своих ног, товарищ лейтенант.

– О ногах больше ни слова. И еще. Когда мы наедине, называйте меня так, как мы условились – «баронессой Валерией». Или просто баронессой. Но без отчества и уж, во всяком случае, без обращения «товарищ лейтенант».

– Непривычно слышать свое звание?

– Наоборот, слишком привычно. Да только рано или поздно вам захочется осчастливить меня комплиментом, а то и признаться в любви, только уже по-настоящему. Не станете же вы объясняться в любви «товарищу лейтенанту»?

– В самом деле, это выглядело бы комично, – согласился Гродов, поражаясь открытости и прямоте инструктора.

– Да и я тоже могу попасть в неловкую ситуацию. Представляете, я подхожу к вам строевым шагом: «Товарищ капитан береговой службы, разрешите объясниться вам в любви!». А вы своим густым командирским басом: «Отставить, товарищ лейтенант! Не позволяю!».

– Отставить! Лично вам я позволяю: объясняйтесь!

– Нет, «позволяю, объясняйтесь» – уже не так смешно. А вот, «не позволяю!...». Описывая эту сцену, Алексей Толстой или кто-то еще из писателей буквально рыдал бы от хохота.

16

И голос, и смех самой Валерии были приглушенно грудными и звучали с какими-то чарующими бархатными переливами. Так ли оно было на самом деле, или, может, все, что связано с этой женщиной, он уже воспринимал душой влюбленного – Дмитрий понять не мог. Впрочем, какого-то особого значения это не имело.

– И все же... Звание мое можете упускать, – явно провоцировал ее Гродов. – Считайте, что мы забыли о нем. Но что в таком случае мне посчастливилось бы услышать?

Они стояли на краю утеса, плечо в плечо, и говорили так, словно обращались не друг к другу, а к кому-то невидимому отсюда, поднебесно-одухотворенному. Да и голоса сначала исчезали в глубинах морского тумана, а затем уже возвращались к ним приглушенным, слегка искаженным эхом.

– Понимаю, что нам с вами отмерено слишком мало времени, Дмитрий, и что между нами зарождается некая симпатия, но все же говорить должна не я, не сейчас, не здесь, а главное, совсем не то и не так, как вы себе это представляете. Неужели хотите все испортить?

– Безумно опасаясь этого.

– Вот видите, – укоризненно молвила Валерия, и в голосе ее зазвучали нотки оскорбленного упрямства, доставшиеся в наследство от подростковых времен. – Вроде бы не хотите, а создается впечатление, что бурно к этому стремитесь.

– Сами же, госпожа баронесса, признали, что у нас слишком мало времени.

– И тем не менее, – она мгновенно прикоснулась рукой к его пальцам и тут же ее отдернула, – каким-то образом наши чувства скажутся сами собой. Должны сказаться, у всех так бывает.

Они спустились к пустынному в это время берегу, прошли мимо причала к руинам старого лабаза, черневшим метрах в ста от лодочной стоянки, и устроились там, на скамейках, по обе стороны почерневшего, пропахшего рыбой и водорослями столика.

Эсминец стоял довольно близко, но охваченный клубами тумана, словно «дымовой завесой», он постепенно растворялся в них, стирая очертания и приглушая голоса моряков.

Поеживаясь в своих легких шинелях, капитан и Валерия с минуту сидели молча, друг против друга, посматривая то на «Штормовой», то на строения «флотского монастыря». Увенчанная казармой прибрежная возвышенность тоже постепенно удалялась от них в загадочную туманность, и Дмитрию вдруг стало чудиться, что они оказались на крохотном островке, вдвоем, без судна и шлюпки, забытые посреди сумеречного океана.

Капитан обошел столик и неуверенно, словно робкий школьник, попросил разрешения присесть рядом с Лозовской. Свое «конечно, конечно...» девушка произнесла таким тоном, каким обычно говорят: «Вам давно нужно было сделать это». Какое-то время они просидели, касаясь друг друга плечами, в молчании, в забытии. Несколько раз Дмитрий порывался обнять Валерию за плечи, но всякий раз мысленно одергивал себя, опасаясь все испортить.

– Вам, капитан, проще, у вас со службой уже все прояснилось. Тем более что служить выпало в Одессе.

– На каком-то расстоянии от Одессы, – зачем-то уточнил Дмитрий.

– Все равно где-то недалеко от города, в котором я давно мечтала побывать, да все не складывается. Правда, я была там проездом: по дороге из Тирасполя в Крым я сначала побывала в Одессе, а уж оттуда добирались на пароходе... Но ведь подобные наскоки не в счет, правда?

– Явно не в счет, – решительно покачал головой Гродов. – Особенно когда речь идет об Одессе.

– А теперь, представления не имею о том, как сложится моя судьба дальше. Только вряд ли я сумею оказаться где-нибудь поблизости от Одессы, от нашего теплого моря.

– Да, от нашего... теплого моря, – задумчиво подтвердил капитан.

– Давай договоримся: как только обоснуюсь на новом месте службы, я сразу же...

– Не нужно об этом, – мягко наложила Валерия свою руку на руку Гродова. – Пока что не нужно. Сейчас не время загадывать. Поговорим во время следующей встречи, где и когда бы она ни произошла.

– С условием, что мы оба будем стремиться к ней?

– Не мечтать, а именно так, стремиться, – согласилась девушка.

– Постараюсь как можно скорее обустроиться и...

– Пока ты хоть немного обустроишься, капитан, скорее всего уже начнется война. Но это не в упрек тебе, просто к тому все идет.

Наверх они поднимались в таком густом тумане, что идти по тропинке приходилось буквально наощупь. Из залива долетало протяжное вытье пароходов, которые шли встречными курсами, но предупредительные гудки их казались голосами таинственных морских сирен.

Дмитрий намерен был проводить девушку до шоссе, но она нашла повод, чтобы зайти в располагавшийся во флигеле курсовой радиокласс. Как оказалось, опаздывая на проходящий рейсовый автобус, Валерия уже несколько раз ночевала здесь – в доставшемся от предшественника фанерном закутке склада, где посреди раций, катушек кабеля и разнотипных полевых телефонов всегда ждали своего часа матрац и два армейских одеяла. Валерия демонстративно закрыла на ключ сначала входную дверь, а затем дверь склада и призывно улыбнулась.

– Только ты не должен злорадствовать по поводу того, как легко я тебе досталась, – полупшепотом проговорила она, задерживая руку мужчины на своей щеке.

– Наоборот, всегда буду чувствовать себя счастливым, вспоминая, что ты мне все же досталась.

– И что досталась именно тебе, – проговорила она, нежно поводя губами по его губам. Наверное, это трудно было назвать поцелуем, но какими же трогательно-нежными и необычными показались Гродову эти прикосновения. – Повтори: «... И что досталась именно тебе», – клятвенно потребовала Валерия.

– «...И что досталась именно тебе».

– Да не мне, а тебе, бестолковый! – озорно поправила девушка.

– «Не мне, а тебе» – продолжил капитан игру в бестолковщину. – Но действительно счастлив.

– Это главное. – Валерия вновь несколько раз провела губами по его губам и, закрыв глаза, почувствовала такие же движения мужчины.

– Будем считать, что мы изобрели новый вид поцелуя, отличающийся и от общепризнанного, и от «поцелуя эскимосов».

– Никогда не слышал о таком.

– Не знал, что эскимосы целуются, прикасаясь друг к другу кончиками носов? Потираясь ими?

– Будем считать наш вид поцелуя более изысканным. Только ему вскоре и станут предаваться все влюбленные.

– Однако не вздумай еще с кем-либо целоваться таким образом, – тут же наложила Валерия ритуальный запрет на свое изобретение, и для убедительности приложила палец к его губам.

– Ни с кем больше, – на губах ее, словно на распятии любви, клялся капитан.

– Если честно, наше сближение мне тоже представлялось совершенно по-иному. Но сегодня вдруг поняла, что время и обстоятельства нам с тобой выбора не оставили. – Баронесса

чуточку замялась. – Для тебя очень важно, каким именно будет наше брачное ложе? – шепотом, на ушко, спросила она, уже оказавшись в крепких объятиях мужчины.

– Важно, чтобы оно было нашим с тобой.

– Вот видишь, оказывается, мы способны понять друг друга. – Она развернула матрац и по-солдатски быстро расстелила одеяла. – Не знаю и знать не хочу, сколько пар грешило на этом ложе до меня, – сказала она, оголяясь, насколько это возможно было в подобных военно-полевых условиях. – Но лично я намерена грешить так, как не грешил и не способен был грешить никто до меня.

Именно так они и грешили потом: в течение всего вечера, всей ночи и всего утра... И, даже прощаясь у обочины шоссе, на виду у пассажиров приближающегося автобуса все еще обнимались и мысленно грешили.

17

Едва капитан привел себя в порядок, как появился вестовой: его срочно вызывал начальник курсов.

«Не может быть, чтобы этот вызов был связан с ночью, проведенной в кладовке радио-класса, – заверил себя Гродов. – Но даже если так... Это уже не имеет никакого значения».

Капитан блаженно прикрыл глаза и вновь ощутил на своих губах теплые, слегка влажноватые губы Валерии. Он с душевной тоской подумал о том, сколько ночей придется ему теперь провести, не зная ласк этой женщины. Отныне вся его жизнь словно бы делилась на два способа бытия, два психологических состояния: «с Валерией – и... без нее»; «с Валерией – и... без!..».

Береговой полковник прохаживался по своему огромному кабинету медленно, переваливаясь с ноги на ногу, словно находился на палубе во время качки. Даже заметив появление Гродова, он все еще умудрился совершить два «каботажных рейса», покачиваясь при этом на крутой прибрежной волне.

– Вот видишь, как все складывается, капитан, – наконец остановился он перед рослым плечистым, словно карлик у подножия утеса, Дмитрием. – Оставаться на курсах ты вроде бы решительно отказался, а теперь, вижу, понемногу начинаешь приживаться. Или, может, я чего-то недопонимаю, а, капитан?

– Подполковник Бекетов предложил мне пройти подготовку...

– Подполковника Бекетова со всеми его премудростями давай оставим в покое, – хитровато ухмылялся Горлов. – Не о нем речь. Ты лучше скажи: отравляться на свою береговую полевую в степях под Одессой базирующуюся батарею не передумал?

Гродов не раз замечал, что, вступая с ним в общение, приземистые люди старались держаться подальше, дабы не ощущать разницы в росте, а кое-кто – и для того, чтобы не чувствовать себя несоразмерно мизерными. Очевидно, все зависело от состояния души, настроения и темы разговора. Но в том-то и дело, что полковник всегда приближался к человеку-горе Гродову настолько рискованно, и, запрокинув голову на правое плечо, рассматривал его с такой иронической пристальностью, словно с наполеоновской гордыней пытался продемонстрировать, кто здесь действительно выше, а кто – всего лишь... длиннее.

– Так ведь все уже решено.

– Пока ты все еще находишься в подчинении командования специальных курсов, а не контр-адмирала Жукова. Вот когда доложишь ему о своем прибытии, тогда уж извини...

Гродов примирительно улыбнулся и развел руками.

– Теперь уже, товарищ полковник, все: придется докладывать адмиралу о прибытии.

Полковник вернулся за свой огромный, специально под размеры кабинета сработанный стол и, усевшись в высокое, под рост самого Горлова подогнанное кресло, задумчиво уставился в серый квадрат окна.

– Словом, даже ускоренные, я бы сказал, слишком ускоренные, курсы радистов на тебя не действовали... – все еще не отрывал он взгляда от туманной потусторонности.

– Даже очень ускоренные курсы, – со вздохом пожал плечами Дмитрий, догадываясь, что именно, какой подтекст, скрывается за этим намеком полковника, – не действовали.

– Странно. А могли бы. Ну да ладно. Я тебя вот еще почему пригласил... Только что звонил твой контр-адмирал Жуков. У них там ситуация на границе с румынами все больше и больше накаляется. Уже не только румынские, но и германские части в открытую подтягиваются к правым берегам Дуная и Прута, причем вместе со всей своей артиллерией и всевозможными тыловыми потрохами. К тому же есть сведения, что по Дунаю, надводным ходом, немцы перебрасывают в Черное море свои небольшие суда. И вроде бы даже субмарины, усиливая таким образом румынский подводный флот, состоящий всего из одной, да и то устарев-

шей, подводной лодки. Словом, самое время укреплять командование дальнобойных береговых батарей.

– И я того же мнения, – облегченно поддержал его капитан. – Сама обстановка диктует: нужно поскорее появляться на объекте.

– Поначалу я, конечно, намекнул Жукову, что здесь ты нужен не менее, чем там, да и граница у нас тут, пусть и не с германцами, но все-таки просматривается. Однако он...

– Словом, меня, последнего из курсантов недавнего выпуска, вы тоже благополучно продали, как «вояку Тутанхамона двенадцатого», – с наигранной укоризной заключил капитан.

– Ага, понятно: к тебе эта фразочка полковника Мытищина тоже прицепилась. Когда-то я целый год от нее отплевывался. Кстати, и сам начальник аэродрома, и подполковник Бекетов тобой довольны, что еще раз укрепило меня в намерении... Впрочем, – прервал самого себя береговой полковник, – об этом мы уже тоже говорили. Мытищин сказал, что в четырнадцать тридцать с его аэродрома взлетает некий «транспортник», который идет на Николаев. Как я понимаю, это в каких-нибудь ста двадцати километрах от Одессы?

– В этих пределах.

– Так вот, одно из пассажирских мест на нем, считай, бронировано. А посему, – мельком взглянул он на часы, – сейчас ты отправляешься в канцелярию, получаешь надлежащие тебе бумаги, и почти час тебе на душеспасительную беседу с полковником Бекетовым. Да-да, я не оговорился, уже с полковником, вчера его повысили в звании.

– Что ж, стоит его поздравить.

– Вот поздравлений как раз не нужно. Он терпеть не может, когда его поздравляют подчиненные. Другое дело, что в обращении следует быть педантичным, тут уж, как водится. В одиннадцать ноль-ноль у штаба будет стоять грузовичок, который подбросит тебя к аэродрому. Все, капитан, все, – решительно поднялся Горлов, упреждая какие бы то ни было проявления благодарности, – ритуальные прощания отменяются. Кругом! Шагом марш!

Прежде чем зайти в канцелярию курсов, Гродов заглянул в радио-класс. Увы, баронессы там не наблюдалось.

– Если вам нужна лейтенант Лозовская, – пришел ему на помощь ефрейтор из обслуживающего взвода – худощавый, щупленький, с личиком, похожим на крысиную мордочку, – то сегодня ее уже не будет.

– Все-то ты знаешь, ефрейтор, – проворчал Дмитрий.

– Сама велела сообщить вам. Правда, ничего, кроме этого, не сказала.

– В том-то и дело, – похлопал он ефрейтора по предплечью. – А ведь могла бы. Как считаешь?

– Что вы хотите? Женщина! – умудренно посочувствовал ему солдатик. – Это я уже так, сугубо по-мужски.

Столь откровенно смеяться, конечно, не следовало, но все же Гродов не сдержался. В устах щупленького, собственно, «никакого» паренька это «сугубо по-мужски» прозвучало как-то слишком уж по-особому. Тем не менее капитан помнил, что Валерия отзывалась об ефрейторе Красильникове с уважением дилетанта, преклоняющегося перед техническим самородком. С неменьшим уважением относились к нему и все прочие офицеры.

Молва утверждала, что этот парнишка, бывший учащийся техникума связи, умудрился создать радиопередатчик собственной конструкции, за что и был арестован агентами НКВД. Быть бы ему как «врагу народа и шпиону международного империализма» расстрелянным или замученным в лагере, если бы о нем не стало известно Бекетову. Каким-то образом ему удалось вырвать этого «Кулибина» из рук чекистов, чтобы оставить под опекой контрразведки флота. Пока он служил здесь, приписанный к радиоклассу, командование присматривалось к нему, размышляя над тем, как использовать этого красноармейца в будущем или хотя бы как его уберечь от повторного ареста.

– Слух до меня дошел, что ты вновь пытаешься сконструировать какой-то принципиально новый радиопередатчик. Уже второй в твоём конструкторском списке. – Никакого слуха до Дмитрия не доходило, это была чистая провокация, однако паренек обязательно должен был на нее клюнуть. – Что, в самом деле изобретаешь?

– Пытаюсь, – спокойно ответил ефрейтор. – Правда, что-то не очень получается. Нужны деньги, детали, нужно проводить испытания... – Он положил на стол перед Гродовым несколько листов ватмана, аккуратно исчерченных какими-то схемами и видами приборов. Объяснив, где находятся те или иные узлы передатчика, приемника и какой-то оригинальной конструкции усиленной антенны, он вопросительно взглянул на капитана.

– Разочарую: выступать в роли консультанта я не готов, – сдался Гродов.

– Главное, что интересуетесь, потому что многим это вообще не интересно.

– Возможно, потому, что их мечты и порывы занимают совершенно другие науки, увлечения, потребности. Не допускаешь?

– Уже сейчас, – не придавал значения его словам Красильников, – существуют радиомаяки, способные наводить суда и самолеты на цель. Кроме того, появились всевозможные автоматические механизмы. Я же хочу создать такие радиопередатчики, которые бы автоматически передавали заложенные в их память большие тексты, без участия радиста, возможно, через несколько часов или даже суток после его гибели. А еще хочу, чтобы эти радиопередатчики были очень маленькими, помещались в нагрудном кармане или в небольшом ремennom под-сумке.

– Полковник Бекетов об этом твоём радиопередатчике знает?

– Нет, – испуганно покачал головой Красильников. – Я докладывать подполковнику, ну, то есть теперь уже полковнику, боюсь, а сам он не спрашивает.

– Но ведь над такими устройствами работать подпольно нельзя, тем более – в армии. Неужели арест ничему не научил тебя?

– Научил, товарищ капитан. Я все понял. Я тогда сразу пытался выйти в эфир, на связь с зарубежными радиолюбителями, а делать этого нельзя.

– Чему ж ты научился, если мне, случайному в этой истории человеку, сразу же выложил все свои чертежи?

– Вы не можете быть случайным, товарищ капитан. Разве вы не знаете, что лейтенант Лозовская как может помогает мне? К слову, она уже научила меня по-настоящему работать радио-ключом. Поэтому и вы не чужой, не случайный.

Капитан вздохнул, потрепал его по плечу, мол, держись старина, и вышел.

К полковнику Гродов только потому и не торопился, что опасался, как бы тот не свел разговор к точно такому же, сугубо мужскому взаимопониманию. А вот реакция Красильникова ему нравилась. И вообще, было в этом человеке нечто такое, что сразу же призывало зачислить его к лику непризнанных и гонимых.

18

Никаких намеков на тему разговора из уст полковника не последовало. Капитан уже несколько минут стоял у стола, а Бекетов все никак не мог оторваться от расстеленной на нем карты, причем Дмитрий успел обратить внимание, что это была карта черноморского побережья Украины.

– О том, что к южным берегам вылетаешь уже сегодня, ты знаешь. Поскольку теперь ты находишься под покровительством контрразведки, то на аэродроме в Николаеве тебя встретит наш сотрудник, который позаботится о твоей переброске в Одессу. Переночуешь, как водится, в гарнизонной гостинице, а завтра явишься в штаб военно-морской базы, чтобы выслушать приказ о назначении. Словом, не о каждом генерале так заботятся, как о тебе. Согласен?

– Так точно, товарищ полковник.

– О «полковнике», конечно же, Горлов успел предупредить, – повел подбородком Бекетов, намекая на то, что знаки различия заменить пока что не успел. – Чтобы ты не оплошал, а я не обиделся. Вот такой он жук! В любой армейской разведке мира ценился бы... правда, всего лишь в качестве «языка». Но разговор сейчас не о нем. Пребывая на своей береговой службе, ты одновременно должен помнить, что являешься офицером контрразведки. В штате или пока еще вне штата – это значения не имеет. Ты находишься на военной службе. А по какому ведомству тебе выплачивают жалованье, вопрос десятый.

– Именно так я все и воспринимаю, – сурово подтвердил Гродов.

– А теперь слушай меня внимательно. Если я все правильно понимаю, батарея твоя расположена вот здесь, – ткнул он пальцем в карту, между двумя лиманами, – в овраге посреди голой степи. Все вспомогательные службы достаточно хорошо врыты в землю, но орудия-то находятся на поверхности, причем никакой оборонительной линии, никакого укрепрайона впереди нет. Об этом наши стратеги, к сожалению, не позаботились.

– Предполагается, что воевать-то мы будем только на территории врага.

– Если собираются воевать на территории врага, за сотни километров от границы такие полуподземные артиллерийские комплексы не создают, – резко осадил его Бекетов. – И вообще, когда говорят, что войну проведут «на территории врага», то подразумеваться может только одно: что войну эту с германцами развяжем мы сами. Но поскольку мы к этому не стремимся, то и похваться «чужой территорией да малой кровью» не стоит: дай бог, на своей устоять да отбиться. Конечно, с бойцами на эту тему разглагольствовать не советую, не то время. Но и воспринимать подобные стратегические убеждения всерьез тоже было бы наивно. – Полковник взглянул на Гродова и, уловив на его лице некоторую растерянность, уточнил: – От кого бы они ни исходили. Меняется мощь противостоящих нам армий, меняется международная ситуация, а в ответе за безопасность страны всегда остаемся мы, военные. Последуют возражения?

– Никак нет. Нужно готовиться к отражению любого натиска.

– То-то же! Поэтому-то командование всячески усиливает сейчас недавно созданный Одесский военный округ¹⁶ кадрами всех уровней. Орудия там мощные, уникальные; коммуникации и казарма защищены бетонными подземельями. Понятно, что именно на этом участке румынские и немецкие войска попытаются прорвать цепи нашей пехоты в первую очередь. Причем они не будут стремиться разбомбить батарею, орудия им понадобятся целыми, чтобы

¹⁶ Теперь уже мало кто помнит, что Одесский военный округ начал создаваться лишь в октябре 1939 года. До этого существовала еще после Гражданской войны сформированная Черноморская группа Украинского военного округа. В связи с обострением международной обстановки 11 октября 1939 года было принято решение сформировать Одесский военный округ из войск Харьковского военного округа и соединений Украинского военного округа (фронта).

взламывать ими оборону Одессы и держать под обстрелом подступы не только к Одесскому порту, но и к портам Днепровского лимана в районе Очакова и Николаева.

– Теоретически так оно и должно быть, – осторожно отреагировал Гродов на очередной впросительный взгляд заместителя начальника контрразведки флота.

– Да нет, это уже не теоретически. К таким ситуациям следует готовиться практически, с максимальной ответственностью. Парадокс батареи в том и заключается, что в качестве береговой она эффективнее может служить румынам, а не нам, поскольку флот у них, прямо скажем, слабый, а значит, использовать они его рассчитывают только для обороны своих собственных портов, собственного побережья от натиска нашего флота. Словом, на сухопутном фронте эта батарея им очень пригодилась бы. Но, коль так, значит, жди, что и разведка противника землю рыть будет на подходе к твоей батарее; и десанты противника – скорее всего воздушные – именно на нее нацелены будут. Поэтому в первую очередь готовь своих бойцов к отражению десантной атаки.

– Попытаюсь учитывать и это обстоятельство, – неуверенно ответил комбат. – Ну а конкретнее сориентируюсь на местности.

– Нет, что касается окрестностей батареи, то очистить подступы к ней от вражеской агентуры мы попытаемся заранее. По личному составу батареи и приданным ей подразделениям тоже нужно будет пройти. Наши сотрудники свяжутся с тобой. Не исключено, что и меня тоже вскоре туда, на юг, перебросят, во всяком случае, посыл к подобным размышлениям уже прозвучал. Если это произойдет на самом деле, тогда уж работать будем в полном контакте. Кстати, как только все утрясется, подумаем о твоём переводе в штат контрразведки. Ничего не поделаешь: – решительно поднялся Бекетов, пожимая капитану руку, – вся жизнь военного – это всего лишь приготовление к войне. Станешь возражать?

Однако напрасно Гродов решил, что полковник обошелся без намеков на его отношения с Лозовской. Как только он подошел к крытому грузовичку, так называемой «полуторке», из кабины его вместе с водителем вышла... Валерия.

– Лейтенант Лозовская, – представилась она, поправив берет и одернув гимнастерку. – Как старшей машины приказано сопровождать вас до посадки в самолет.

– Это приказ полковника Бекетова?

– Так точно, подполковника...

– Отстаёте от жизни, лейтенант, – пытался сохранить почти свирепую строгость на лице Гродов, – уже полковника.

– Что, он действительно уже полковник?! – чисто по-женски, пренебрегая уставной формой общения, удивилась Валерия и тут же устремила взгляд куда-то в сторону и вверх. Оглянувшись, Дмитрий увидел в открытом окне улыбающегося Бекетова.

– Передаю капитана Гродова под вашу строгую отчетность! – прокричал ей полковник. – Можно считать, по описи! А посему – доставить в целости и сохранности.

– Есть доставить в целости, товарищ полковник! – настолько озорно улыбнулась Валерия командиру, что Дмитрий поневоле приревновал. – Сохранность, правда, не гарантирую.

– Но в любом случае бережно, бережно...

Полковник широко улыбнулся, по-отцовски погрозился пальцем и закрыл окно.

– Поскольку оба мы давно демаскированы, – все так же озорно скомандовала Валерия, – то и скрываться больше нечего.

– Назло всем снайперам.

Они забрались в кузов и, отделенные от мира спасительным брезентом, почти всю дорогу до аэродрома просидели в обнимку друг с другом, лишь изредка обмениваясь несколькими фразами. Посреди какого-то лесного хутора на семь-восемь усадеб, водитель – степенный, кражистый младший сержант – остановил машину у колодца, объяснив, что ему нужно залить в радиатор воду и повозиться с мотором.

– В вашем распоряжении, товарищи офицеры, двадцать минут, – скомандовал он таким тоном, каким обычно разрешают короткий привал, – и вон та заброшенная хижина, – кивнул в сторону некоего деревянного строения, уже оставшегося без оконных рам, но еще сохранившего крышу и даже перекосившееся крыльцо. – К вылету поспеваем. Километра четыре осталось – не больше.

– Это по-нашенски, – похвалила Валерия шофера теми словами, которые должен был бы произнести капитан. И первой ступила на тропинку, с трудом пробивающуюся сквозь высокие лесные травы.

Едва оказавшись в тесных сенцах дома, они набросились друг на друга с такой отчаянной страстью, словно только что встретились после многолетней разлуки. Словно те двадцать минут, которыми осчастливил их водитель, были последними из отмеренных им судьбой для нежности, любви, самой жизни.

– Только ты не отрекайся от меня, – шептала Валерия, впиваясь пальцами в затылок мужчины и ощущая, как все тело ее пронизывает пленительная сладость. – Понимаю, можешь увлечься другой, поскольку жизнь есть жизнь, на какое-то время забыть, не в этом дело. Главное, не отрекайся.

– Уже не смогу, даже если очень захотел бы этого.

– И все же не отрекайся. Слишком много ты для меня теперь значишь.

– Как и ты для меня, – едва слышно проговорил Дмитрий, искренне осознавая, что все те женщины, с которыми сводила его судьба на танцплощадках и курсантских вечерах отдыха, растворяются в каких-то смутных воспоминаниях, в призрачном небытии.

– Это будет непростительной ошибкой, если мы не сумеем снова найти друг друга, не сумеем каким-то образом воссоединиться, – решительно покачала она головой, обволакивая при этом лицо мужчины пьянящей пышностью волос.

– Ее-то мы и постараемся избежать. Только и ты тоже... Делай все возможное. Вопреки обстоятельствам.

– «Вопреки каким бы то ни было обстоятельствам», – словно заклинание, повторила она.

Лишь после настойчивого гудка они наконец сумели оторваться друг от друга и вспомнили о машине, водителе и самолете, который вряд ли станет терять из-за них хотя бы одну стартовую минуту. В порядок Валерия приводила себя уже на ходу, прячась за спиной капитана и все приговаривая: «Представляю себе, какой у меня, старой греховодницы, вид! Какой ужасный вид!».

– Думаешь, опаздываем? – встревоженно спросил Гродов водителя, дожидавшегося их на ступеньке кабины.

– Пока что не должны, – спокойно ответил тот, стараясь не смотреть на Валерию.

– Чего же торопил?

– Святую армейскую заповедь забыли, товарищ капитан: с каким бы делом ты в армии ни торопился, всегда припаси двадцать минут на разгильдяйство – подчиненных, начальства и свое собственное.

– Чудная заповедь: «Двадцать минут на разгильдяйство» – покачал Гродов головой, думая о том, что обязательно нужно придерживаться ее там, на батарее. На своей батарее. – Постараюсь запомнить, младший сержант.

Но, едва забравшись в кузов, он вновь попал в объятия женщины. Лучшей – теперь ему уже хотелось свято верить в это – из всех, какими способна наделить его судьба. И если бы еще не эта чертова тряска, которая, мало того что всю душу из них вытряхивала, так еще и поцеловаться толком не позволяла...

В двух километрах от аэродрома машина застряла в болотисто-песчанной колее, и они втроем с большим трудом «откопали» ее, чтобы вывести на ровную дорогу. А затем ворвались на взлетное поле уже в ту минуту, когда пилот запускал двигатели.

– Теперь вы понимаете, чего стоит моя тактика – «двадцать минут на разгильдяйство»? – успел крикнуть водитель прыгнувшему с машины капитану.

– Еще бы! Это само воплощение армейской мудрости!

– Язвите-язвите! – прокричал он вслед бегущему к самолету офицеру.

– Какая уж тут язвительность?

– Если бы не эти минуты, мы бы точно опоздали! Так что, в самом деле, советую запомнить!

– На всю жизнь, младший сержант! – на ходу ответил Дмитрий, оглядываясь на несмело потянувшуюся вслед за ним Валерию. – На всю жизнь!

19

Контр-адмирал Жуков еще раз внимательно прошелся взглядом по сводке разведданных и, устало помассажировав переносицу, посмотрел на безучастно восседавшего напротив него коменданта Северо-Западного района Черноморского флота.

– Но все это, – постучал он тыльной стороной карандаша по карте, – свидетельствует только об одном: румыны самым наглым образом готовятся к войне.

– Вообще-то, строго говоря, мы все готовимся к войне, – вальяжно раскинулся в кресле капитан первого ранга Коржевский. Он лишь недавно получил квартиру в старинном доме, почти в центре Одессы, а теперь еще и со дня на день ждал присвоения ему вожденного звания контр-адмирала¹⁷. Жукову не очень-то верилось, что, пребывая в состоянии такого взлета, кто-либо из офицеров способен всерьез воспринимать реальность взрыва Второй мировой. Всем хотелось верить, что это всего лишь очередное нагнетание атмосферы в приграничных районах, которое завершится благодушными дипломатическими демаршами. – Но по ту сторону Дуная усиленно готовятся к нападению. Это уже настолько очевидно, что никаких уточняющих сведений не требуется.

– Ну, это вы так считаете, капитан, что не требуется, – угрюмо заметил Жуков. – У командования флотом, и вообще там, у... командования, – возвел он глаза к потолку, – сомнения все же возникают, иначе мы совершенно по-другому готовились бы к возможному нападению.

– Наша разведка постоянно докладывает наверх по своим каналам, – невозмутимо молвил Коржевский. О чем бы он ни говорил, его округленное, холеное лицо оставалось недоступным для эмоций и почти неподвижным. Аристократического в этом лице было мало; контр-адмиралу больше виделось в нем нечто иезуитское. – Но возможности нашего влияния на этом исчерпываются. Хотя при чем тут разведка? Только вчера я вернулся из инспекционной поездки по районам действия Дунайской флотилии, во время которой сопровождал командующего Черноморским флотом.

– И что... командующий?

– Угрюмо молчал. В течение всей инспекции – угрюмо молчал. Ну, еще время от времени что-то возмущенно ворчал себе под нос.

– И все? Никакой конкретной реакции, никаких наставлений?

– Он молчал с такой пронзительной угрюмостью, с какой умеет молчать только он, вице-адмирал Октябрьский¹⁸.

– Будем надеяться, что и выводы он делал с такой же «пронзительностью».

– С выводами все выглядит намного сложнее.

– Так считает командующий флотом?

– Так складывается политическая обстановка. Но не будем углубляться в политику, а попробуем взглянуть на ситуацию солдатскими глазами. – Коржевский артистично заложил ногу за ногу и покровительственно улыбнулся. – Адмирал, конечно, молчал, а вот местные командиры не молчали и даже не тушевались.

– Потому что понимали: завтра спрос будет с них, – заметил Жуков. – Причем за все: и за целостность территории, и за судьбу кораблей флота и армейских подразделений.

¹⁷ Напомню, что в те времена в Советском Союзе существовало пять адмиральских званий: контр-адмирал (генерал-майор); вице-адмирал (генерал-лейтенант); адмирал (генерал-полковник); адмирал флота (генерал армии) и адмирал флота СССР (маршал флота).

¹⁸ Речь идет о вице-адмирале Филиппе Октябрьском, который с марта 1939-го по апрель 1943 года являлся командующим Черноморским флотом. Кстати, до 1924 года он числился в составе флота под скромной фамилией Иванов, но затем решил сменить ее на более соответствующую духу советского времени фамилию Октябрьский.

– И за просчеты командования. Вы правы: они это понимают. На многих участках тот, чужой, берег реки просматривается на километры, особенно с вышек, так что пограничники и моряки-дунайцы буквально тыкали нас носами в новые артиллерийские позиции румын, в скопление армейских обозов и в свежие линии окопов. Причем как вдоль Дуная, так и вдоль всего Прута. Вверх по Пруту мы, естественно, не поднимались, но пограничникам можно верить.

– Уж кому-кому, а пограничникам... – развел руками контр-адмирал.

В ту же минуту ожил телефон и адъютант сообщил, что в приемной появился капитан береговой службы Гродов, о прибытии которого командующий военно-морской базой просил доложить.

– Хотите познакомиться с капитаном Гродовым?

– С Гродовым? – поморщился Коржевский. – Кто такой? Почему не знаю и даже не слышал о таковом?

– Будущий командир восточной, 400-й береговой стационарной батареи, с которой вашим судам придется взаимодействовать.

– То есть это не флотский капитан, а всего лишь командир береговой батареи? – с легким разочарованием уточнил комендант. – Тогда понятно.

Пока Гродов докладывал о прибытии для дальнейшего прохождения службы и рассказывал о своем недолгом армейском пути, контр-адмирал Жуков и капитан первого ранга Коржевский с интересом рассматривали его. Перед ними стоял рослый, широкоплечий человек, весь вид которого, его речь, его поведение – свидетельствовали о недюжинной физической силе и твердости воли.

– Вам уже, наверное, сообщили, что орудия батареи обладают особыми характеристиками? – спросил командующий военно-морской базой, после того как представил ему коменданта Северо-западного района Черноморского флота.

– В общих чертах, товарищ контр-адмирал. Как только прибуду на батарею, сразу же изучу все, что с ней связано. Впрочем, я уже служил на дальнобойных батареях.

– Это были «не те» батареи, капитан.

– Они в принципе «не те», – поддержал контр-адмирала Коржевский. – Вы поймете это сразу же, как только окажетесь в расположении. Кстати, во время учений вам нужно будет внимательно пройти по всем пристрелянным ориентирам и квадратам, на которые должна нацеливать батарею наша флотская разведка во время нападения кораблей противника.

– Есть «пройтись», товарищ капитан первого ранга. Но в то же время все корабельные артиллерийские командиры должны знать координаты батареи и пристрелянных нами на суше целей. Полагаю, что вероятность нападения на Одессу вражеских судов ничтожно мала. Натиска все же следует ожидать со стороны степи.

– Странные выводы для командира береговой батареи, – заметил Коржевский.

– Чтобы убедиться в их правильности, достаточно знать численность и состояние румынского флота.

– Хотите сказать, что вам уже хорошо известны эти – «численность и состояние румынского флота»? – въедливо поинтересовался комендант.

– По самым последним сведениям, из крупных судов, составляющих главную ударную силу, на плаву у румын находятся всего лишь семь миноносцев и эскадренных миноносцев и два вспомогательных крейсера. Подчеркиваю: вспомогательных крейсера. При одной-единственной подводной лодке. Еще на вооружении флота имеется девятнадцать мелких судов – канонерских лодок, минных и торпедных катеров, да эскадрилья гидросамолетов. Если учесть, что в первые же дни войны наши авиация и флот получают приказ нанести удар по морским базам противника, то после двух-трех налетов уцелевшие румынские суда будут заняты в основном охраной собственных портов да сопровождением грузовых транспортов.

– Эти сведения вы, капитан, получили на командирских курсах, которые только что окончили? – удивленно спросил Жуков, предлагая комбату присесть и доставая из сейфа красную папку, в которой, очевидно, хранились сведения о флоте противника.

– Нет во время занятий нам подобных данных не оглашали, хотя должны были бы. Они получены из другого, но очень надежного источника.

Жуков несколько мгновений выжидающе смотрел на комбата, затем многозначительно переглянулся с Коржевским и задумчиво полистал папочку...

– По канонерским лодкам и катерам у меня численность меньшая, но...

– Это потому, что немцы перебросили румынам по Дунаю три катера. Вместе с несколькими эскадрильями самолетов и пятисоттысячным корпусом сухопутных войск¹⁹. Думаю, вам об этом еще сообщат.

– Три, говоришь? В таком случае, все сходится.

– Отсюда вывод: главная угроза и нашим судам, и порту будет исходить от авиации противника и его сухопутных сил. Так что не батарея будет поддерживать суда флота, а, наоборот, судам придется поддерживать своими орудиями и нас, и пехоту.

– Да ты, капитан, как я погляжу, стратег, – с едва уловимой иронией заметил Коржевский.

– Просто я решил, что мы здесь изучаем реальные возможности нашего взаимодействия, а не играемся в штабные игры на морских картах. Или, может, я чего-то недопонял? – обратился Гродов к начальнику базы.

– Да все ты верно понял... – проворчал контр-адмирал. – Но если допустить, что сухопутные войска подойдут вплотную к нашим береговым батареям, тогда окажется, что они совершенно не готовы к оборонительным боям – ни западная, ни твоя, восточная. И вообще, для такой мощной артиллерии нужна совершенно иная тактика ведения боя.

– То есть нужно было создавать целые укрепленные районы, базирующиеся не только на наземно-подземных сооружениях этих батарей, но и на системе окопов, дотов, хорошо оборудованных вспомогательных батарей, в том числе зенитных и минометных.

– Ну, вспомогательные стволы нам, в случае чего, подбросят, – молвил контр-адмирал. – А вот с дотами будет сложнее.

– И не только потому, что на них потребуются большие деньги, – поддержал его Коржевский, поднимаясь и давая понять, что намерен откланяться. – Главная трудность будет заключаться в том, чтобы не навлечь на себя подозрение в паникерстве и в распространении пораженческих настроений. Кстати, в первую очередь это касается именно вас, капитан Гродов.

– Нужно обладать буйной фантазией, чтобы обвинить в пораженчестве офицера, который намерен укреплять оборонительные рубежи своей батареи, намереваясь держаться на них как можно дольше.

– Плохо же вы знаете возможности некоторых наших «должностных фантазеров», комбат, – осенил лицо своей иезуитской улыбкой Коржевский. – Но я выделяю офицера-артиллерию, который побывает у вас на батарее и впредь будет готов к обязанностям офицера связи.

Когда, испросив разрешения у контр-адмирала, комендант района ушел, адмирал и комбат еще какое-то время молчали, глядя каждый в свою сторону.

– Причем самое странное, что капитан первого ранга прав, – тяжело вздохнув, прокричал Жуков. – «Должностных фантазеров» у нас действительно хватает. Но тебя, капитан, прежде всего, должна интересовать батарея.

– Так точно, прежде всего – батарея.

¹⁹ К началу 1941 года численность германских войск в Румынии действительно составляла порядка полумиллиона солдат. Кроме того, из рейха поступали танки, авиация и другие виды вооружения. Особый интерес фюрера к Румынии был вызван тем, что эта нефтесылающая страна становилась мощной топливной базой рейха. Понятно, что в Берлине опасались, как бы СССР не ввел в Румынию свои войска, как совсем недавно ввел их в Молдавию.

– Особенность 400-й батареи, которую мы по связи, да и просто в общении, называем «Восточной» – в том и заключается, что в ведении ее командира – большое и не совсем обычное для комбатов хозяйство. Тут тебе наземная и подземная казармы, две столовые, подземная энергоустановка, насосная станция, масса всевозможных механизмов, далеко отстоящий от орудий командный пункт, с которым батарею связывает полуторакилометровый подземный переход, так называемая потерна... Чтобы все это поддерживать в надлежащем состоянии, требуются хозяйский глаз, тщательный уход и жесткая командирская требовательность. Так вот, предшественник твой был неплохим пушкарем, но во всем остальном, – разочарованно покачал головой контр-адмирал, – он явно пробуксовывал. Кстати, у тебя самого с этой хозяйской жилкой как?

– Постараюсь учесть недостатки предшественника, – спокойно, без особого рвения проговорил Дмитрий.

– Ответ у тебя какой-то неубедительный и, я сказал бы, безрадостный, – передернул левой щекой контр-адмирал. Гродов уже успел приметить эту его привычку. – Хотя начальник курсов особо налегал на твоей инициативности и решительности.

– Как всегда, перехваливал, – поднялся Гродов вслед за командующим военно-морской базой.

– Только не Горлов. Уж что-что, а повадки этого скупердяя мне известны. Дождаться от него доброго слова все равно что второго пришествия. Но если уж он сказал, то слово его дорогого стоит.

– Очевидно, я не сумел достаточно хорошо познать его. Я – курсант, он – начальник курсов. Так что пусть это служит мне оправданием.

– Однако информацию ты все же получал не от полковника Горлова, а от Бекетова.

– Естественно.

– Странно, что он отпустил тебя, ведь наверняка ты ему приглянулся.

– Отпустил, еще не значит – упустил, – намекнул Гродов, давая понять, что тоже связан с контрразведкой. Все равно ведь командующий базой узнает, догадается или же попросту услышит об этом от самого Бекетова.

– Понятно, этот своего не упустит, – понимающе ухмыльнулся контр-адмирал. – Приказ о назначении тебе вручат в штабе. В курс дела будут вводить заместитель комбата старший лейтенант Лиханов и комиссар батареи политрук²⁰ Лукаш. Оба уже по несколько лет на 400-й, а посему и с гарнизоном – у них принято называть состав именно так, «гарнизоном», и с механизмами – знакомы. Так что все подробности – из их уст. Ну, а представит тебя гарнизону этой наземно-подземной цитадели майор Кречет, отправитесь вместе с ним на штабной машине.

– Спасибо. Разрешите идти?

– Послушай, капитан, невзирая на некоторые шероховатости с бытом и дисциплиной, батарея вот уже в течение нескольких лет занимает первое место среди подразделений базы по боевой подготовке. В десятых числах июня планируем провести общие боевые учения всех наших береговых батарей и служб. Как ты понимаешь, традицию надобно бы сохранить.

– И только так, товарищ контр-адмирал. Штатных разгильдяев в батарее терпеть не привык.

– «Штатных разгильдяев», говоришь? – Явно понравилось командующему это выражение нового комбата. – Ну-ну, убеди нас всех в этом.

²⁰ Комиссарами в подразделениях РККА и Военно-Морского Флота назначали офицеров из политсостава войск, которые имели свои собственные воинские звания. До капитана включительно комиссары были «политруками по званию»: младший политрук (лейтенант), политрук (старший лейтенант), старший политрук (капитан). А дальше следовали «комиссары по должности и званию»: батальонный комиссар (майор), старший батальонный комиссар (подполковник), полковой комиссар (полковник), бригадный комиссар (генерал-майор), дивизионный комиссар (генерал-лейтенант), корпусной комиссар (генерал-полковник) и армейский комиссар (генерал армии).

20

Прибрежное шоссе то погружало их в степную низину, то вновь выводило на очередную возвышенность, с вершины которой открывалась часть моря или усеянное болотными островками устье какой-то речушки. На одном из таких плато, с равнины которого уже просматривались плавневые затоны Аджалыкского лимана, майор приказал водителю свернуть с шоссе, уходящего в сторону Николаева, и по едва приметной проселочной дороге они направились в глубь степи.

– А вон и ваша батарея, – молвил майор, выходя из машины, которую остановил на гребне большой ложбины, зарождавшейся где-то у берега моря и уползавшей в прибрежные полынные поля, посреди которых виднелись вдалеке три хуторские усадьбы.

– Батарея? – неуверенно переспросил Гродов. – Извините, ни одного орудия почему-то не вижу. Оборудованных стационарных позиций тоже не наблюдаю.

Кречет снисходительно проследил за тем, как, напрягая зрение, комбат пытается отыскать хоть какие-то следы батареи, и столь же снисходительно улыбнулся.

– Вот так же и всем прочим любопытным даже в голову не приходит, что крестьянские усадьбы эти – чистая бутафория, и что на самом деле под каждым из трех домов скрывается по 180-мм пушке закрытого типа, весом в девяносто тонн и при длине ствола в шесть метров.

– Ну а сам домик, очевидно, вращается вместе с орудием, обладающим круговым обстрелом... – задумчиво дополнил его капитан.

Он весьма скептически отнесся к подобной маскировке. Возможно, эти домики и способны были сбить с толку какой-то там празднующийся люд, но только не разведку противника, которой наверняка давно известно все то, что известно любому из пушкарей. Однако разочаровывать штабиста не стал: в конце концов, игра в секретность всегда оставалась одной из форм боевой подготовки армейцев.

– Так точно, обстрел круговой, – не без гордости сообщал Кречет. Комбат уже знал, что в свое время майор тоже начинал с батареейной службы, командиром огневого взвода. И хотя очень скоро оказался в «негнущихся рядах штабистов», тем не менее в душе по-прежнему оставался «огневиком». – Кстати, вес снаряда такой «пушчонки» составляет девяносто шесть, а вес порохового заряда картузного заряжания – сорок два килограмма, – явно бравировал своими познаниями майор. Говорил он вычурно, почти азартно жестикулируя при этом руками. – Правда, есть и тридцатишестикилограммовые. Стоит ли удивляться, что дальность полета снаряда достигает сорока километров, и залетает он при этом на семнадцатый километр небесной выси, посылая артиллерийские приветы ангелам.

– «Артиллерийские приветы ангелам» – это по-нашему, – одобрил комбат.

– А еще говорят, что стоимость одного залпа этой трехорудийной батареи такая же, как и стоимость трактора «ХТЗ». Как тебе такая бухгалтерия, капитан?

– Убедительно. Даже на врагах наших и то экономить придется.

– Здесь впечатляет решительно все – вот что я тебе скажу, комбат. Сам с удовольствием принял бы командование такой батареей, хотя по званию уже не положено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.